

Алексей Тихомиров

Зона ЧП

неизученная война
1996 года

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Алексей Тихомиров

**Зона ЧП. Не изученная
война 1996 года**

«Автор»

2022

Тихомиров А. В.

Зона ЧП. Не изученная война 1996 года / А. В. Тихомиров —
«Автор», 2022

Книга написана на реальных событиях, во время войны в Чеченской республике в 1995-1996 годах. Описывается непростая, а порой и невыносимая жизнь в тех условиях простых солдат срочной службы. Постоянные обстрелы, чувство голода и невыносимые укусы бельевых вшей – все это и не только сопровождало нас на протяжении всей службы на Кавказе. Не всем ребятам суждено было вернуться домой к своим семьям. Содержит нецензурную брань.

© Тихомиров А. В., 2022

© Автор, 2022

Алексей Тихомиров

Зона ЧП. Не изученная война 1996 года

Мотоманевренная группа

Часть 1

Дорога

Предисловие

Прежде чем начать писать об истории, в которую я окунулся не по своей воле, пару слов надо сказать о правдоподобности.

Когда я увольнялся в запас со срочной военной службы, я подписал ряд документов о неразглашении каких-то военных тайн. Каких? Понятия не имею. Но мне погрозили пальчиком и предупредили, что будут большие неприятности, если я во всем сознаюсь, даже под пытками. Вот только не надо про пытки, потому что я не знаю, в чем сознаваться. Что знаю я – знают все, кому выпала честь служить в Российской армии. Не знаю даже, какими тайнами я обладаю, ровно также я не знаю, и какими льготами тоже. Дело в том, что в моем военном билете прописано несколько льгот. Всё есть: номера льгот, номера приказов на эти льготы. Только вот никто не знает, что они дают. Я понял одно: мне разрешено громко кричать в лесу за тысячу километров от населенного пункта.

Это все лирика. Так вот, чтоб на всякий случай не скомпрометировать себя и не навлечь гнев на других, я решил изменить всё: номера военных частей, где служил, названия некоторых населенных пунктов, их месторасположение, время и даты произошедших событий, должности, звания и фамилии действующих в тех событиях лиц.

Что касается меня, связанного с этими событиями, можно сказать так. Процентом на 60 я непосредственно, так или иначе, принимал в них участие или был свидетелем. На 20 процентов – это реальные рассказы ребят, служивших в те времена в разных горячих точках Кавказа. А реальность этих рассказов я могу оценивать высоко, потому что они подтверждаются как самими участниками, так и свидетелями, которые по разным обстоятельствам оказались рядом. Конечно, все мы люди. И либо намеренно, либо нет, но некоторые факты немножко приукрашены. Ну и остальные 20 процентов я просто выдумал, но только для того чтобы было интересно вам.

Ну, теперь поехали.

Я, Тихомиров Алексей Валентинович, родом из города Западная Двина Тверской области, был призван на срочную военную службу в ряды Вооруженных сил Российской Федерации, в доблестные пограничные войска. Срок службы в те времена, а это с 1994 по 1996 год, проходил в непростое время. В России шла чеченская кампания, а точнее война. Но я и все мои сослуживцы первые полгода были далеко от этих событий, а это осень и зима 1994 года. Нас изнуряли в то время тяжелые, можно сказать невыносимые будни в учебке. Днем – физические занятия, так что еле ноги передвигаешь к вечеру, а ночью гоняли дембеля. Так что о Чечне мы знали только по слухам. Некоторым писали, рассказывали, но все равно это было так далеко от нас.

Дни летели бешено. По окончании учебной части меня перевели в воинскую часть 4334 в город Пыталово Псковской области, на российско-латвийскую государственную границу. Много в эти дни было и драматического, и веселого, много интересных моментов, которые навсегда останутся в памяти. Но про все это я расскажу в другой раз. А сейчас перенесемся в декабрь 1995 года.

Я уже отслужил год с небольшим. К этому времени я находился в расположении мотоманевренной группы (ММГ), во взводе под номером три, в котором было четыре отделения, в звании рядового, в должности стрелка. В нашем взводе насчитывалось 46 человек. Во всей

ММГ, где было три взвода и взвод материального обеспечения, насчитывалось 170 человек, включая командный состав. Надо еще отметить, что в ММГ находились практически все, у кого были нарушения по службе. Исключением не был и я. После самоволки и отсидки на гауптвахте пяти суток меня с удовольствием перевели в мотоманевренную группу погранотряда.

Глава 1

4 декабря 1995 года

1

– Леха! Тихомиров! Ты где? Тебя майор вызывает. Срочно! – сквозь дремоту я отдаленно слышал голос дневального. Но веки были настолько тяжелыми, что не было сил открыть глаза. Может, это сон? Может, ищут не меня? Так хочется, чтобы это так и было... До ужина есть еще пара часиков свободного времени. Что-то меня разморило, здесь так тепло.

Сушильная комната в казарме – это не только самое теплое место, но и самое спокойное, где никто из командиров тебя не увидит. И ты спокойно можешь, сидя на полу, на часик прислониться к стенке и покемарить, не обращая внимания на запах вонючих портянок, для сушки которых эта комната и предназначена. Со мной солидарны, по крайней мере, с десятков бойцов, которые, посапывая, находились рядом со мной в сушилке.

– Лехааа! Тихомир, сука! К командиру срочно! – надрывался свободный дневальный, бегая по казарме и спрашивая встречных, не видел ли кто меня. Это меня ищут – мозг работал четко, все стало ясно и понятно. Нужно небольшое усилие – открыть глаза, но такой команды от мозга не поступало. Сейчас... еще пару секунд. «Ну, еще секунду», – хотел было подумать я, как мои глаза резко раскрылись от удара в бок локтем рядом сидевшего сослуживца.

– Задолбал. Тебя зовут. Глухой, – с явным неудовольствием пробубнил сосед.

От сна не осталось и следа. Немного придя в себя, я встал и, стараясь ни на кого не наступить, вышел из сушильной комнаты. В глаза ударил яркий свет, по телу пробежала дрожь, в казарме было прохладно. В голове была одна мысль: какого черта меня выдернули из уютного, теплого места и зачем я понадобился командиру мотоманевренной группы майору Проскурину Александру Григорьевичу.

Пока я щурился и глаза привыкали к свету, ко мне подбежал дневальный. Из него лился поток разных слов, в смысл которых я не хотел погружаться.

– Да слышу я все, не ори, – спокойно ответил я. – Иду. Сколько времени?

До ужина был еще целый час. Я поправил ремень, застегнул пуговицу на воротнике, постучался в дверь кабинета с табличкой «Майор Проскурин А.Г.» и четко вошел внутрь. Отрапортовал, не забыв отдать честь:

– Рядовой Тихомиров по вашему приказанию прибыл! Наш командир, майор Проскурин Александр Григорьевич, был среднего роста, плотного телосложения, с русыми волосами, серыми глазами, годам ближе к пятидесяти. Всегда чисто выбрит и опрятен. Он уже имел боевой стаж в Афганистане.

Майор в кабинете был не один. За Т-образным столом по обе стороны сидели командиры взводов. Стол был завален разными документами, личными делами солдат. На столе перед майором было открыто личное дело. Я без труда догадался, что это моё.

– Итак, – грубо, почти басом, начал свою речь командир. Он любил так разговаривать, считая, что так он увеличивает власть над теми, к кому обращается. – Рядовой Тихомиров Алексей Валентинович, 1976 года рождения, проходил учебную подготовку в Выборге в автороте. Имеется отметка о прохождении 500-километрового марша на автомобиле ГАЗ-66. Открыты категории А и С. Все так?

– Так точно, – быстро ответил я.

– В таком случае, – продолжил он, – тебя переводят во взвод материального обеспечения, под командование лейтенанта Миронова Сергея Владимировича. Лейтенант немного привстал из-за стола, показывая себя.

Это был молодой лейтенант 27 лет, стройного телосложения, относительно высокого роста – 186 см. Он совсем недавно окончил Московское пограничное училище МГБ, прошел стажировку на финской государственной границе, после чего был направлен в Пыталовский погранотряд. И вот спустя год он здесь, в ММГ. Если следовать логике, что все здесь залетные, так и хочется узнать, за что его сюда? Его черные, коротко постриженные волосы, юношеское, красивое лицо не подходило к его роли командира взвода. И к тому же ему не дашь больше лет, чем обычному второгоднику срочной службы. А если его представить более худым, то вполне выглядел бы как дух (служащий первый год). Только звезды на погонах говорили о том, что он офицер пограничных войск. И он теперь мой командир взвода материального обеспечения (ВМО).

– К тебе прикрепят автомобиль ГАЗ-66, будешь водителем, – после недолгой паузы проговорил майор. – Дальнейшие указания получишь от лейтенанта. Все понятно?

– Так точно! – без лишних слов отпартовал я.

– Тебе час на сборы, и после ужина ты должен располагаться в подразделении лейтенанта Миронова.

– Есть!

– Свободен.

– Есть! – не убирая руку с козырька, я с ловкостью развернулся на 180 градусов и вышел из кабинета.

Опять ударило прохладой. Я отметил, что в кабинете командира, благодаря мощным обогревателям, было тепло, как в сушилке. Отличие только в том, что потными портянками не пахло. Пройдя по длинному коридору казармы, как мы его называли – взлетке, я подошел к своей кровати, вытащил вещмешок и принялся все свои вещи складывать из ящика. Вещей было мало. За пять минут я справился, скрутил матрац, положил вещмешок рядом на пружины. И осознав, что есть еще время для перекура, отправился в курилку, на ходу доставая сигарету из пачки.

Подняв ворот бушлата, я глубоко затянулся. Декабрь. Мерзкое время года, в более мерзком месте. Морозно, темно. Одни поля кругом, ветру нет преград. Жуть. Брр. В моей голове кружились разные мысли. Глядя, как под фонарем на большой скорости, почти параллельно земле, несутся снежинки, вспомнил дом, мать, отца, друзей. Как они там, наверное, гуляют по полной. Когда же я выйду за контрольно-пропускной пункт этой части, повернусь и громко прокричу: «Все, я свободен!» Как же все надоело, хочу домой. В душе так погано. На землю меня вернул все тот же знакомый крик дневального, который орал построение на ужин.

2

После ужина, как и всегда, захотелось еще покушать, и от приглашения перекусить в каптерке салом с чаем я не отказался. В новый коллектив я влился без проблем, со многими ребятами я был уже знаком и всех знал в лицо. Взвод был небольшой. Нас было 10 водителей на ГАЗ-66, 3 водителя на автомобили «Урал» (радисты и механики), 3 повара, 2 водителя на ЗИЛ-131, оборудованных под бензовозы, и два водителя на БТР-70. Из командного состава: начальник взвода, знакомый нам лейтенант Миронов Сергей Владимирович и старшина прапорщик Малютин Игорь Станиславович. И как я узнал, взвод был собран совсем недавно и на скорую руку.

В каптерке продолжение ужина длилось до отбоя. Пили чай, шутили, смеялись, рассказывали истории из прожитых уже дней в армии.

– Паша, расскажи свою историю, многие не слышали, – с улыбкой попросил Илья Соболев, водитель «Урала», младший сержант из Смоленска по кличке Соболев, второго года службы.

– Да я уже сто раз рассказывал. Ну, для тех, кто не слышал, расскажу в сто первый раз, – согласился Паша Кулагин из Уфы – рядовой, водитель ГАЗ-66.

Он был худой, высокого роста брюнет по кличке Паштет, тоже служивший второй год.

– Итак. Был у нас командир роты, капитан. Его особенностью было то, что он с собой носил муляж гранаты. Для чего? Периодически, забавы ради, в неизвестный момент, будь то в курилке или на построении, он бросал её в своих подчиненных с криком: «Вспышка справа/слева! Граната!» Проверял боевую готовность, так сказать. И вот однажды бросил он с криком гранату в толпу своих солдат, желая себе настроение поднять. Все, как положено, разбежались в разные стороны, но вдруг на одного солдата сошло озарение. Решил, видимо, сломать систему. Он внезапно подбежал к гранате, лег на неё и громко крикнул «Бабаааах!». Кэп малость ах*ел от незапланированного поворота событий. Солдат получил отпуск.

– Да, сообразительный солдат, – под дружный восторг сказал Руслан Рябов, рядовой, водитель автомобиля ГАЗ-66 по кличке Ряба.

Был он родом из Московской области, служил также второй год. Руслан любил приврать, и все это знали, но с наслаждением смеялись над его выдуманскими историями.

– Смотри Леха, – на ухо шепнул мне Илья Соболев, – сейчас что-то зальет по полной.

– Но это фигня, вот у нас была одна история, – продолжал Ряба, не обращая внимания на то, что почти все, не сговариваясь, захохотали. – Был у нас старшиной роты старший прапорщик. Выходной. Сидим в роте, отдыхаем, каждый занимается своим делом. Старшина ответственный, ушел по делам. Звонок дежурному по роте.

Дежурный:

– Слушаю, товарищ старший прапорщик.

Прапорщик:

– Барабанщики в роте?

Дежурный:

– Да, смотрят телевизор.

Прапорщик:

– Выгоняй их на плац, пусть долбят изо всех сил своими колотушками.

Дежурный:

– Зачем, выходной же?

Прапорщик:

– Я в лесу, бл*ть, заблудился. На звук пойду.

Стоит отметить, что в то время сотовых телефонов не было, ну или, по крайней мере, никто из нас не видел. А спутниковые телефоны были размером с чемодан и с модемами размером с кирпич, да и оплата за такой телефон простому прапорщику была неподъемна. Но до этого никому не было дела, и выводить на чистую воду Руслана никто не собирался. Было смешно, все смеялись, и этого всем хватало.

– Вы слышали новость, что нас хотят отправить в командировку в Чечню? – после того как смех затих, на полном серьезе спросил повар Костя.

Константин Сизов из Новгородской области, по кличке Сизый, второй год служил рядовым. Но поваром он только числился, а по факту практически все время работал в штабе писарем. У него был красивый почерк, и он ловко и быстро печатал на пишущей машинке. Там он мог многое слышать или прочитать приказы, которые он в будущем переписывал.

– Да ладно тебе, уже два раза слух был, что отправят, а воз и ныне там, – ответил Паша Паштет.

– То слухи, а это я сам слышал в штабе от начальника штаба, что срочно надо доукомплектовать мотоманевренную группу для скорейшей отправки в командировку. Почему, по твоему, такая суета? Однажды это случится. И скоро.

– Однажды лебедь шуку раком... Хватит сказки говорить, отбой уже протрубили, айда спать, – произнес Ряба, поднимаясь с табуретки.

– Пойдем, – согласился Паштет, туша окурков в пустую банку из-под шпрот.

Все дружно, шурша тапочками по взлетке, отправились к своим койкам.

Глава 2

13 декабря 1995 года

1

– Построение на плацу, пять минут на сборы, – кричал дневальный, получив команду по телефону от командира.

– Что за хрень? Что случилось? Зачем построение? Опять проверка, что ли? – бормотали недовольные голоса отовсюду.

Гул, как в муравейнике, стал усиливаться, заскрипели кровати, забегали духи, поправляя на ходу ремни и застегивая пуговицы на воротнике. Только деды, не торопясь, натягивали обрезанные сапоги, бушлаты и не спеша выходили строиться на плац.

Я, Руслан Ряба и Паша Паштет выходили одними из последних. Мы уже были в нескольких шагах от выхода, как в этот момент из дверей вылетел майор Проскурин.

– Почему не чешемся? Я сказал, бегом, солдат! – обычным для нас басом заорал он.

Последним из нас шел Ряба, и ему майор подзатыльником придал такое ускорение, что он обогнал меня с Пашей за доли секунды, при этом головой открыл двери и, сделав три больших шага, растянулся на только что почищенной от снега дорожке. Чтоб ничего подобного не произошло с нами, мы наперегонки с Паштетом помчались на плац. Но победил в забеге Ряба. Как он догнал нас, не пойму, он и сам на этот вопрос не ответит.

Наконец-то все построились. На плацу почему-то оказалась только наша ММГ, других подразделений воинской части не было. Майор еще раз окинул взглядом строй, сплюнул, выругался, обозвав нас сбродом, и пошел докладывать командиру части. В строю было шумно, все переговаривались, никому было не понятно, почему нас построили. Каждый пытался угадать, но угадать не удалось никому. Из штаба показался полковник Чернышов, командир нашей части. Шум моментально стих. За ним показались начальник штаба, наш командир и еще два подполковника, неизвестных мне.

– Равняйсь... Смирно... Равнение на середину, – скомандовал майор Проскурин, взял под козырек и строевым шагом отправился к командиру части. Громко и четко отрапортовал, что по его приказу мотоманевренная группа построена. После чего мы получили команду вольно.

Полковник Чернышов медленно обошел весь строй, всматриваясь чуть ли не в каждого солдата, как будто искал преступника, который прятался в толпе. Никого не найдя, он так же неторопливо подошел к остальным сопровождающим на середину плаца, повернулся к строю и громко, акцентируя каждое слово, чтобы все слышали и не пропустили ни одного слова, заговорил.

– Товарищи солдаты и офицеры, от командующего Северо-Западного военного округа поступил приказ о необходимости сменить наших товарищей, которые находятся в зоне чрезвычайного положения и выполняют свой боевой долг на административной Чечено-Ингушской границе.

Раздался гул в строю. Это было неожиданно, хотя все ждали этого дня. Потом полковника уже было плохо слышно. Да что слушать, если главное понятно: нас ждет командировка на Кавказ. Дальше командир части выдавливал банальные фразы, что нам выпала огромная честь встать на защиту рубежей, и все в этом духе. Последние слова, что я услышал: необходимо в трехдневный срок совершить погрузку всех материальных ценностей на грузовой поезд, состав которого уже завтра с утра будет стоять на погрузочном пункте.

2

В кабинете заместителя по технической части (зампотеха) капитана Коробова Сергея Петровича, несмотря на дикий холод на улице, было душно. Но благодаря не обогревателю, а набившемуся в помещение народу. Кабинет был небольшой, можно сказать маленький: стол, четыре стула, небольшой шкаф, вешалка, полка с книгами, в основном по ремонту и эксплуатации различной военной техники, пара плакатов с рисунками бронетранспортеров и массивный сейф у окна. Стены и потолок были прокоптившиеся – видно, ремонт давно здесь никто не делал. Куча папок и других документов небрежно, стопками располагались и на столе, и на подоконнике, и на сейфе. В кабинете всегда стоял сизый дым от выкуренных сигарет. Капитан курил много, очень много.

На вид Коробову было лет сорок. Среднего роста, черные волосы зачесаны назад, черные шикарные усы подчеркивали его худое, суровое лицо. Он сидел за столом, изучал какой-то документ, во рту дымилась очередная сигарета. Он нервно постукивал карандашом о стол. В глаза сразу бросались его кривые, длинные пальцы, а средний и указательный были желтыми от никотина.

– Все в сборе? – туша окурок в пепельнице и окинув взглядом присутствующих, спросил он. – Итак, проверим по списку.

По его списку были здесь все, а это 14 водителей бронетранспортеров (12 на БТР-70, двое имели машины БТР-80), 10 водителей на ГАЗ-66, 3 водителя на автомобиле «Урал», 2 водителя на ЗИЛ-131, оборудованных под бензовозы. Итого, нас здесь набилось, как селедки, 29 человек. Кажется, что капитан все рассчитал, потому что зайди еще один человек – и ему было бы не поместиться.

– Хорошо, тогда к делу. Вы полностью, пока не закончится погрузка, поступаете в мое распоряжение. Сейчас ваше место – только боксы, каждый должен находиться в своем гараже рядом с закрепленной техникой. Если я кого-то не найду на месте, пеняйте на себя. Все машины должны быть исправны и в любой момент готовы выехать. Что будет с тем, у кого хоть что-то неисправно в технике, говорить страшно, будет жестко и больно. А теперь, если всем все ясно, бегом по своим рабочим местам, ждать дальнейших распоряжений, – вытаскивая из пачки сигарету, Коробов дал нам понять, что на этом всё, и вопросы, если они появились, он больше выслушивать не собирается.

Выбравшись из духоты, мы разбрелись кто куда, но уже через полчаса все были на своих местах в гаражах. Заливая горячую воду в радиатор, я запустил двигатель своего автомобиля ГАЗ-66, который завелся с пол-оборота и ровно тархтел, выпуская густой белый дым из глушителя.

«Что здесь может быть неисправно? – подумал я. – Они же новые, хоть и простояли в резерве 10 лет. Аккумулятор новый поставил, все отлично, проблем нет».

Что нельзя было сказать про всех. Один «Урал» и ЗИЛ-131 не хотели никак заводиться. Они не были новыми и много уже повидали. Все автомобили находились в обогреваемых боксах, а вот БТР в два ряда стояли на улице, на морозе, поэтому половина бронетранспортеров не завелась. В течение часа до обеда я наблюдал хаотичное движение транспорта в автопарке. Те машины, которые завелись, таскали на буксировочных тросах тех, которым не повезло. Некоторые выехали из теплых боксов, чтобы покататься по автопарку, так сказать, проверить на ходу. Я же, закрыв гараж, пошел на обед – что-что, а обед по расписанию.

3

По возвращении из автопарка в казарму я обнаружил множество перемен. От обычного, повседневного, такого уже привычного быта не было и следа. Все двухъярусные кровати были разобраны и огромной стопкой красовались вдоль стены, все тумбочки сдвинуты вместе. В прихожей, рядом с каптеркой, в несколько рядов друг на друге, чуть ли не до потолка, стояли коробки. Рядом большой кучей стояли набитые чем-то мешки.

В казарме был хаос и беспорядок, все было разбросано, валялись портянки, вещмешки, тапочки, шапки, какие-то журналы, мыльные принадлежности и много разного хлама. Там, где было место, прямо на полу были постелены матрасы со спальным бельем. Чтобы пройти в другой конец казармы, надо было перешагивать или идти прямо по постеленным вещам. Все наши вещи были кучей брошены в красном уголке. Там же, в другой куче, как попало на скорую руку, брошены наши матрасы с бельем. Пришлось проявить усилие, чтобы хоть что-то из своих вещей найти. Конечно, о таких, как мыло или зубная щетка, речи не шло, они были потеряны навсегда. Но большую часть, необходимую на данный момент, мне посчастливилось отыскать.

Проблема была в другом: где ночевать, а точнее как? Все это походило на какое-то безумие, глазам не верилось. Проскочила мысль взять первый попавшийся матрас и податься в сушилку, но вскоре от нее пришлось отказаться, когда я узнал от товарищей, что там все занято. После продолжительного скитания по казарме со свернутым матрасом в руках и вещмешком за плечами мне повезло. Нашлось одно место в нашей каптерке, где я с радостью расстелил белье и лег, положив вещмешок под голову.

Было жестко спать, ворочался я постоянно, но зато было тепло. Последнее что помню, перед тем как заснуть: я подумал, а что будет дальше. Ведь вряд ли будет лучше. С этим надо смириться, надо дальше жить, а точнее выживать в этом дурдоме.

4

Я проснулся оттого, что меня кто-то тряс за плечи. Открыв глаза и осознав, где я и что со мной происходит, я увидел перед собой Илью Соболя.

– Ну ты здоров спать, – сказал Илья Соболев. – Уже завтрак полным ходом идет, пропустишь.

– А где команда «подъем»? Почему я не слышал дневального о построении на завтрак? – недоумевал я. – Что за херь?

– Забудь про команды. С этим бардаком всем все пох*й. После завтрака сразу в гараж ступай. Туда к 10 часам зампотех подтянется, будет технику осматривать и какие-то распоряжение даст. Прапор наш сказал, он тоже там будет.

– Хорошо, надо хоть морду сполоснуть, зубы уже не судьба почистить, – ответил я, подумав, что позже надо будет в «чепок» (маленький магазинчик на территории части) забежать, щетку да зубную пасту купить.

После завтрака я взял вещмешок, думая, что в машине мои вещи будут в более безопасном месте, и отправился в автопарк. Как и вчера, картина была такая же. Кто-то таскал на трогах машины и БТР, которые не завелись, кто-то, открыв капот, носил и заливал воду в радиатор, кто-то курил возле машины и ждал, пока прогреется движок.

Когда моя машина завелась, я закурил сигаретку и пошел в соседний бокс полюбопытствовать.

– Привет, Санек, – поприветствовал я Саню Афанасьева, также водителя на ГАЗ-66.

Он был метр с кепкой, как говорят про таких. Его рост был не больше 160 см. Зато он был крепко сбитый и обладал большой силой. Его маленькие глазки постоянно бегали, и от этого казалось, что он что-то натворил и это скрывает. Близко с ним я не был знаком, не довелось еще. Но, забегая вперед, скажу, что позже мы с ним стали крепкими друзьями. Да и чуть позже выяснилось, что он тоже был из Тверской области, из Торжка.

– Здорово, как дела? Машина хорошо заводится? – подав ладонь, ответил он.

– Отлично просто, с пол-оборота. Твоя, я вижу, тоже не подводит тебя, – ответил я, видя, как его машина спокойно работает на холостом ходу.

– Да, ласточка, новая как целка, – целуя в крыло, улыбнулся Саня.

Надо сказать, что 8 из 10 машин ГАЗ-66 были новые, они стояли в резерве 10 лет, ждали своего часа. И что самое важное, а для нас позитивное, что ни одна трубка не треснула, ни один шланг не был порван. Все в масле и солидоле до сих пор. Умели же раньше хранить машины.

Респект. Единственное неудобство, что когда машина нагревалась, то сильно дымила из всех щелей. Это обгорали масло и краска. Но спустя некоторое время все стало норм, и про эти мелочи вскоре все забыли.

– Леха, Саня, капитан Короб собирает всех, построение в 7 боксе у Рябы, – заглянув к нам, сказал Паштет и побежал дальше по гаражам собирать народ.

– А сколько времени? Уже 10 часов, что ли? – глядя на Саню, спросил я

– Нет, еще 9.30, – посмотрев на часы, ответил Саня.

– Может, что-то срочное, раз раньше примчал? – рассуждал я. – Пойдем быстрее, раз такое дело.

В гараже было намного просторней, чем в кабинете у зампотеха. Прикрыв двери гаража, чтоб холод не поступал, капитан, вытерев свои усы от инея тыльной стороной ладони, произнес.

– Бойцы, сопли жевать некогда. Те, кто завелись, у кого все исправно, по одному подходите ко мне. Я определяю, где и чем загружаться. После полной загрузки берете пропуск у прапорщика Малютина и выезжаете на погрузочную площадку для дальнейшей погрузки самого автомобиля на железнодорожный состав. А те, у кого проблемы с транспортом, чтоб до обеда все исправили или отправлю в другой взвод стрелком к чертовой бабушке. Всем все ясно?

– Так точно, – не одновременно и не все ответили.

– Товарищ капитан, можно вопрос? – спросил Ряба.

– Задавай, – спокойно ответил зампотех.

– Стрелки других взводов уже получают командировочные. Когда мы получим деньги?

– Согласно расписанию, до обеда получают бойцы третьего взвода, вы в списках после них. Вам что, еще не говорили? – сурово взглянув на прапорщика, ответил капитан.

– Только что хотел это объявить, – чуть смущенно проговорил Малютин.

Прапорщик был уже в возрасте, седые волосы, небольшого роста, полного телосложения, с круглым, выпирающим пивным животом. Настоящий прапорщик.

– Про командировочные, значит, понятно, получите после обеда. А вот насчет выдачи пропусков, значит, так: после погрузки вы подходите ко мне, я выхожу, осматриваю груз и выписываю пропуск, – уже более командирским голосом доложил прапорщик.

– Еще важный момент. Чтобы в самом штабе не толпились, по очереди заходим: один выходит, другой заходит, – добавил капитан. – Если вопросов нет, подходим по одному для распределения на погрузку.

Мне было поручено подъехать ко входу в казарму для загрузки кроватей, которые еще вчера стояли уже в разобранном виде, готовые к погрузке. Я был очень рад такому грузу. Во-первых, можно не опасаться, что все побьешь. Во-вторых, нет никаких вещей, которые могли бы кому-то понравиться – карауль тогда, чтобы не украли. К слову Сане Афанасьеву тоже достался такой же груз, тоже кровати. Мы дружно подъехали к казарме. Я встал первый, за мной Саня, за Саней подъехал Паша, которому должны были грузить тумбочки, тоже норм груз. Доложив командиру первого взвода, что машины готовы и стоят у входа (а это было поручено грузить именно первому взводу), мы отправились в курилку покурить.

Мороз не спадал, на градуснике показывало минус 20, но из-за порывистого ветра казалось, что все минус 30. Поля, кругом поля, равнина до горизонта, даже холмика не видно. Интересно, как там в Чечне? Наверное, красивые горы, нет такого ужасного ветра. Зато там стреляют и могут убить. Я верил в судьбу и всегда отметал дурные мысли. Ну, если убьют, значит, такая судьба. Пока молодой, ты не осознаешь в полной мере значения смерти. Ты не понимаешь, что, когда тебя не станет, какая это будет боль родным. Тебе наплевать на всех. Ты думаешь только о себе и относишься с пофигизмом – убьют, так убьют, судьба.

Размышляя, я смотрел, как ребята грузили вещи в машину. Они, как муравьи, шли непрерывающимся потоком и несли кровати. Всё в работе было отлажено. Такое впечатление, что они всю жизнь этим на гражданке занимались, и их специально собрали вместе, отправили в

армию, чтобы здесь и сейчас они продемонстрировали свое умение. Прошло всего 30 минут, как они начали загрузку, и вот машина была забита под завязку. Я застегнул брезент и поторопился отъехать в сторону, дать место Сане, чтобы он подъехал ближе ко входу. Решил его подождать, чтоб вместе взять пропуска и ехать в город на погрузочную площадку, чтоб не скучно было.

К 12 часам дня мы с Саней, показав на КПП пропуска, благополучно покинули часть и поехали на железнодорожную станцию. Дорогу, как ехать, мы знали давно – было дело, мы там разгружали вагоны с углем. Ехать было не так далеко, уже через полчаса мы подъехали к площадке, к нам подбежал дежурный по загрузке состава.

– Станьте в колонну, за «Уралом», за десяткой (десять – это последние две цифры госномера, так обычно называли, чтобы легче было понять, про какой автомобиль идет речь), – спешно прокричал дежурный.

Хоть он старался говорить громко, но его было плохо слышно. Стоял ужасный гул, рев БТРов заглушал все. В небо отовсюду поднимался черный дым из выхлопных труб, каша из снега была серо-черная. Старые бронетранспортеры натужно, как будто из последних сил, со скрипом тракторов переезжали с места на место. Из некоторых машин, как из дуршлага, лилось масло. Их давно было пора списывать, отправлять в металлолом, они свое отслужили. Отслужили, но только не в России, не в этой части, не в это время, им еще предстоял последний бой. Перед нами стоял состав из платформ. На самых дальних уже стояли бронетранспортеры, их укрепляли тросами и другими приспособлениями. Другие БТРы с ревом по очереди забирались на платформу и проезжали в самый конец. Между платформами был настил из толстого железа.

– Значит, ты заезжаешь после этого «Урала», а ты (обращаясь к Сане) после него, и так далее.

– Сколько мы здесь проторчим? – сядь рядом на пассажирское сиденье и захлопнув дверь, высказался с неудовольствием Сашка. – Уже обед. Мы что, без обеда сегодня?

– Фиг знает, – также недовольно буркнул я. – Есть у меня немного соленого сала, еще не все сточил с прошлой посылки.

– У меня печенье есть, – улыбнулся он.

– Ну, значит, будем живы. Тащи.

Сало с печеньем вприкуску – это так вкусно! Кто служил – поймет. С набитыми щеками, пережевывая, мы улыбались. Все равно нам хорошо. Другие сейчас пашут, как пчелки, а мы сидим в машине, в тепле и жуем сало с печеньками.

Зимой день короткий. Он уже подходил к концу, а мы все еще стояли в очереди на погрузку. Один горе-водитель бронетранспортера промахнулся между платформами и свалился набок на землю. Никто и ничто не пострадали, но задержки еще на полчаса это добавило.

Сало и печенье мы съели, да и в части скоро ужин. Машины тарахтели весь день, вырабатывая в кабине тепло. Стоило заглушить двигатель, как через полчаса становилось прохладно, и приходилось вновь заводить. Часам к трем подъехал Паштет, груженный тумбочками. Хитрый, сука! Не поехал сразу, как загрузили, а дождался обеда. Пообедал, потом сходил в штаб, получил командировочные и только потом приехал сюда. Как, впрочем, и многие сделали. Если бы мы знали, что так долго будем здесь торчать, сделали бы то же самое. Ну а пока мы еще стояли, ожидая своей команды заезжать. Передо мной оставалось два БТРа и две машины «Урал».

– Много дают денег? – поинтересовался Саня у Паштета.

– Не обманули, – ответил Паштет. – Все триста сорок тысяч рублей. Я уже в «чепок» сходил. Угостить пирожком?

– Как раз в тему, молодчик. А то мы здесь без обеда остались, да и по ходу без ужина тоже останемся, – смачно откусывая большой кусок, сказал я.

Надо пояснить, чтобы так не пугались названной суммы денег, которую нам выдавали как командировочные. Дело в том, что в те годы это были обычные небольшие деньги. Только после деноминации, в 1998 году, от них отняли три нуля. Так что, если переведем, то сумма выходит не триста сорок тысяч, а всего 340 рублей. Но пока был не 1998 год, а 1995. На эти деньги мы могли позволить себе много чего. Лично я, как и многие из нас, купил себе в машину маленький однокассетный магнитофон, штук 5 кассет с разными группами, которые были популярны в то время, пару клевых футболок, да и так по мелочам. Хватило и на спиртное, которое покупали все и прятали от командиров.

Стемнело. К погрузке приступили «Уралы», скоро уже и мы. Возле «Уралов» была выставлена охрана, возле каждой машины по четыре человека. Нетрудно понять, что груз ценный. Поинтересовались у водилы – так и есть, нагруженный оружием. Я еще раз выдохнул, поблагодарив судьбу, что мне достались кровати. Часам к пяти подъехал Ряба, нагруженный палатками, печками буржуйками и еще какими-то тряпками.

– Сегодня больше никто не приедет, я последний. В темное время суток нельзя. Остальные завтра, – как из пулемета выдал он. – Где дежурный? Мне ему надо доложить.

– Там где-то, – махнул рукой в сторону состава Паштет.

– Еще сказали, чтоб не разбредались, за нами приедут, еще замполит подъедет, всех заберут, – продолжал Ряба.

– Да капитан уже сто раз приезжал, следит за погрузкой, примчит, наорет на всех, что долго грузимся, и уедет, – вмешался Саня.

– Действительно долго, ну вот и моя очередь, – сказал я, вскакивая в кабину машины и выезжая по знакам регулировщика.

В часть мы вернулись поздно. Пока погрузились все, пока закрепили все тросами, слили из радиатора воду. Кроме всего, на ветру и морозе прождали почти час, пока за нами приедут. Но была и хорошая новость: наш повар, Костя Сизый, был сегодня в своей смене, позаботился о нас, не забыл, нажарил картошки, достал из записки тушенку. Перед сном мы наелись до отвала. Засыпая, последнее, что я подумал: с утра получу деньги и пойду в магазин отовариваться.

Глава 3

16 декабря 1995 года

1

Вот и настал тот день, которого мы ждали полгода минимум. Сформированный и сцепленный состав состоял из пары локомотивов, далее из четырех вагонов (три плацкартных для рядового и сержантского состава и один купейный – для офицеров и других сопровождающих этот поезд), двух грузовых крытых вагонов (в одном находились продукты питания, в другом – солдатские вещи на смену), двух вагонов-цистерн (бензин, солярка), вагона бункерного типа (там находилась кухня) и длинной цепочки вагонов-платформ с закрепленной на них разной техникой.

Играл оркестр. Нас построили в две шеренги вдоль вагонов. Мы были одеты в новенькие бушлаты, подшиты, наглажены, в новых, начищенных до блеска сапогах. Все ухожены, пострижены и побриты. Ну просто показательная рота, как будто участвуем в конкурсе смотра песни и строя. Командиры взводов стояли вместе с нами в строю. У нашего командира, лейтенанта Миронова, на лице явно можно было прочесть гордость. Он молодой, необстрелянный. Вчерашний курсант едет выполнять свою первую миссию в качестве командира. И опять я подумал, как благоволит мне судьба. Миронов – спокойный, взвешенный человек, а не тот придурок старлей из третьего взвода, где я раньше был, любитель по пьянке нас погонять. Впереди строя стоял командир мотоманевренной группы майор Проскурин. Немного сбоку от нас, на расстоянии 20-25 метров, стояли несколько камер. Это телевидение снимало происходящее. Фоторепортеры бегали и снимали нас с разного ракурса. На таком же расстоянии, но перед

нами, стоял микрофон для выступающих. Провожало нас и много гражданских лиц. Многие из них пришли просто поглазеть, ведь субботний день, на работу не надо. Они разноцветной толпой стояли за спинами официальной делегации. В делегации присутствовали командир части, все его замы, начальник штаба. Приехали нас провожать и несколько офицеров из Северо-Западного военного округа. Кроме военных, были и гражданские чиновники. Присутствовали глава района, мэр города, депутаты. Ну и дополнял эту делегацию местный священник.

День был солнечным. Ветер, как будто жалея нас, стих, но мороз не отпускал. И от этого все перетаптывались с ноги на ногу, пытаюсь согреться. Я поднял голову и увидел чистое синее небо, высоко парила какая-то птица. Было так спокойно и хорошо на душе. От нудных, однообразных будней хотелось скорей избавиться. Хоть куда, хоть в Чечню, так все надоело. Будь что будет, но перемены мне нужны, чтоб не сойти с ума.

Оркестр затих, началась торжественная часть. На середину к микрофону вышел командир части полковник Чернышов.

– Равняйся... смирно... равнение на середину, – скомандовал майор, взяв руку под козырек, и строевым шагом подошел к командиру части. Пока он шел к полковнику, ударил оркестр.

– Товарищ полковник, мотоманевренная группа в связи с отбытием в Северо-Кавказский регион построена. Командир группы майор Проскурин.

– Здравствуйте, товарищи, – обратился полковник к нам.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – дружно хором ответил строй.

– Вольно, – скомандовал командир части.

– Вольно, – продублировал командир ММГ.

Постучав пальцами по микрофону, на что в ответ тот, протяжно заскрипев, дал понять, что все подключено и работает, командир части начал речь.

– Уважаемые товарищи, за время Чеченской кампании уже более двадцати подразделений пограничных войск несли свою службу в Северо-Кавказском регионе. Это и Ингушетия, и Чеченская республика, и Северная Осетия. Всегда с честью и достоинством пограничники выполняли свой долг. Я надеюсь, что и эта командировка в один из самых сложных районов также будет выполнена вами достойно, на высоком профессиональном уровне.

Затем выступали со своими напутствиями другие офицеры, глава района, мэр. Последним выступил священник, он прочел молитву и окропил нас водичкой.

– По вагонам, – наконец-то услышали мы от командира ММГ.

– Взвод материального обеспечения, отбиться согласно своим местам, – подхватил лейтенант Миронов.

Под громкую музыку оркестра началась посадка. Я быстро вскочил на подножку вагона. Вот и все. Неизвестно, ступлю ли я вновь на эту землю в Пыталово. Верю в судьбу.

Совсем забыл, играл гимн.

2

– Когда мы наконец тронемся? – бурчал Ряба. – Уже четыре часа как закончилась посадка.

– Не понять, что там у них происходит? Почему не дают зеленый? – поддерживал Рябу Паштет. – Десять раз нас всех пересчитали.

– Может, кого-то нет из других взводов, – более спокойно ответил я. – Куда спешить?

– Бухнуть хочется, – продолжал Ряба. – А ну его ждать. Может, сейчас, а?

– Потерпишь, как тронемся, так и бухнем. Все терпят, не подставляй командира, – пытался успокоить я, хотя самому уже надоело ждать.

Я, Ряба, Паштет и Саня устроились в четырехместном плацкарте. Рядом на боковых сиденьях были Илья Соболев и еще один водитель «Урала» по имени Влад. Все мы ждали, когда застучат колеса, чтобы накрыть стол, достать пузырек и наконец расслабиться и насладиться поездкой. Путь нам предстоял немалый, мы едем в Северную Осетию до Владикавказа.

В вагоне стоял галдеж, все пытались чем-нибудь себя развлечь. Кто-то читал, кто-то резался в карты, кто-то просто дремал. Постоянно то по одному, то толпой выходили в тамбур курить. Мы располагались недалеко от тамбура, и постоянный стук дверью начинал раздражать. Хотя в данный момент начинало раздражать все, даже Ряба, который постоянно кудахтал.

– В части уже ужин, мы так и будем сидеть? – Ряба был взвинчен до предела.

– Пойдем покурим, – предложил я, – легче станет.

– Я с вами, – присоединился Паштет.

В тамбуре от сигарет невозможно было дышать. Дыма было настолько много, что разглядеть, кто на противоположной стороне тамбура, было невозможно. Зачем тратить сигареты, можно просто постоять три минуты – и ты накурился надолго. Но мы чадили, как паровозы, добавляя свой дым к уже находившемуся здесь. Когда я выкурил сигарету до половины и в очередной раз затянулся, вдруг неожиданно вагон дернулся так, что я подавился дымом. Паштет влетел в Рябу и сигаретой прижег руку, а Ряба, в свою очередь, ударился головой о стену.

– Урааа! – раздалось по всему вагону.

– Урааа! – прокричал и Ряба.

– Наконец-то, – ответил я.

Курить больше не хотелось. Мы быстро побросали окурки в банку и вышли из тамбура. Качаясь от медленно разгоняющегося поезда, мы добрались до своих мест.

– Теперь гульнем, – развязывая вещмешок, с явной радостью в голосе говорил Ряба.

Мы последовали за ним. На столе появилось много еды, нам перед отправкой заботливо выдали трехдневный сухпак. Здесь были и тушенка, и консервы, и хлеб. Саня достал сало, кто-то высыпал печенье, появились купленные до посадки в вагон огурцы и помидоры, сыр и лимонад. Только водку, чтоб не палиться, на стол не выставили. Ее разливом занимался Ряба под столом. Наполнив огненной водой алюминиевые кружки, Ряба произнес:

– Ну что, вздрогнем? За хорошую поездку, – чокнувшись со всеми, одним глотком он влил в себя содержимое.

– За все хорошее, чтоб все было супер, – поддержал тост Саня.

От выпитого от горла до желудка сразу побежала теплая дорожка. На голодный желудок в голову ударило сразу. Все набросились на пищу, жадно набивая рты.

– Между первой и второй промежутки небольшой, – не давая как следует закусить, налил по второй Ряба.

– Будем, – произнес я и залпом осушил кружку с алкоголем.

– Ох, хорошо, – закусывая, произнес Саня. – Вся суета позади.

– Неизвестно, что будет дальше, – скептически заметил Соболев, ставя пустую кружку на стол.

– Что будет – то будет, сейчас отдыхаем. А ты, Влад, чего не пьешь? – спросил я.

– Мужики, как выпью, начинает желудок болеть, я лучше подремлю, – ответил Влад и сидя прислонился к стенке, прикрыв глаза.

Прапорщик Малютин был назначен дежурным по вагону и периодически ходил следить за порядком. С каждым разом перерывы между осмотрами были все больше, язык развязней, а походка все неуверенней. Он с прапорщиками из других взводов ехали с нами в одном вагоне. Так как они находились в начале вагона, то и курить ходили в другой тамбур, мимо нас не бегали и не мешались.

– Все в порядке? – уже порядочно поддав, спросил у нас прапор.

– Все отлично, – тоже нетрезвым голосом ответил Ряба.

– Выпьете с нами по рюмочке, так сказать, за удачную поездку? – предложил Паштет.

– Можно, только по маленькой, – качаясь, пробормотал прапорщик.

Все выпили. Прапорщик пошел дальше. Сегодня мы его больше не видели. Через пару часов он крепко храпел на своем месте.

– Помню случай, как нас призывали в армию, – начал рассказывать свою очередную байку Ряба. – Стоим мы в кабинете у врача, голые, выставили свои причиндалы напоказ, а у одного пацана встал. Мы смеемся, а врач ему: сходи, вон за ширмой умывальник, водичкой головку помочи. Выходит он из-за ширмы, и мы видим: у него голова мокрая, а член стоит. Тут мы все попадали на пол.

Мы тоже дружно заржали.

– Я слышал похожую историю, – вытирая от смеха слезы, начал Паштет. – Как тоже на осмотре у парня встал, врач ему: вон, мол, там стаканчик с водичкой для таких случаев стоит. Ну тот вернулся, вытирая рот. Туда смотрят, где стоял стакан, а он пустой. Сколько раз туда макали члены, никто не знает.

Снова взорвался смех.

– Да хватает на свете дебилов, – наливая очередную порцию алкоголя по кружкам, сказал Ряба.

В соседнем купе заиграла гитара, хором запели песню: «Уезжают в родные края дембеля, дембеля, дембеля». До дембеля, как до Китая раком, еще девять месяцев служить, подумал я. Мысли закрутились в голове, опять вспомнил гражданку, отца, мать, брательника. От спиртного что-то замутило, в голове закружилось – перепил. Пока здесь не наблевал, надо в туалет. Качаясь, добрался до туалета – занято. Вышел в тамбур. Он был весь изгажен, кто-то уже наблевал на пол, все в окурках, свиньи. От накуреного становилось еще хуже. Открылась дверь туалета, бухой солдат чуть ли не ползком выползал. Я метнулся в сортир и закрыл дверь. Смачно выдал в унитаз все содержимое желудка. Постояв еще с минутку, я сделал несколько глубоких вдохов. Вроде стало легче. Вымыв лицо холодной водой, я побрел назад. Ряба и Паштет сидели у соседей и подпевали песни, Саня уже давно вырубился. Ильи Соболева вообще не было. Я знал, что у него кореш во втором взводе едет, они даже вместе учились, и он наверняка зависает у него. Я глотнул лимонада, скинул тапочки, с трудом залез на вторую полку и под дружный стук колес захрапел.

3

Я иду по дороге вдоль поля, засеянного пшеницей. Солнце печет так, что невозможно идти. Во рту все пересохло. Пить, хочется пить. Почему так жарко? Голова вот-вот закипит. Передо мной появляется дом, я узнаю его, это дача, построенная моими родителями, наша дача. Почему я здесь, где все остальное? Я захожу внутрь, там должна быть вода, как хочется пить. В комнате на диване сидят родители и листают фотоальбом. Мать поднимает голову, улыбнувшись мне, машет рукой, чтоб я присоединился к просмотру фотографий. Подошел, сел рядом с мамой. На снимке я вижу: стоят в военной форме с автоматами на плечах Ряба, Паштет, Саня и Соболев. Все улыбаются и смотрят на меня. Вдруг я увидел, на фотографии у всех глаза были выжжены, а на их месте чернели дыры. Я испугался и откинул фотоальбом от себя, убежал на кухню. На столе стояла банка с водой. Пить, хочу пить. Схватив банку, опрокидываю, открывая рот, чтоб наконец-то насытиться, но вода не течет, как я ни старался. С размаху бросил банку о стену, та разлетелась на множество маленьких осколков. Подбежав к крану, наклонился, открыл кран, там пусто, воды нет.

– Что за хрень? – ору я.

Тут за мое плечо кто-то тянет. Поворачиваюсь и вскрикиваю.

– Леха, Леха, что с тобой? – продолжая тянуть, говорит Ряба.

Паштет, Саня и Илья стояли поодаль.

Открыв глаза, я медленно стал осознавать реальность. Сон. Фууу.

– Кошмар приснился, – продолжая лежать неподвижно, ответил я.

Язык еле поворачивался, все пересохло.

– Пить, дайте попить.

Залпом я осушил полбутылки лимонада. Ох, тяжело. Только сейчас я заметил синяк под левым глазом Рябы.

– Откуда это у тебя? – поинтересовался я, показывая на глаз.

– Ты что, ничего не слышал? – вмешался Паша. – Ну ты здоров спать, здесь такое было. Ха, все проспал.

– Что было-то?

– Да пидор один, из БТРщиков, прикинь, закурил прямо в вагоне. Совсем нюх потерял, ну я ему предьявил. В тамбуре потом выясняли отношения.

– Ну и кто кого?

– Он один раз попал, а так я ему навалял, – гордо сказал Ряба. – Главное, он осознал, что так делать нельзя. Там ему еще и свои объяснили, что он неправ.

– Давно стоим? Где мы находимся? – поворачиваясь набок к нам лицом, тоже только что проснувшись, спросил Саня.

– Уже час точно стоим, где-то в жопе мира, – ответил Соболев, глядя в окно. Никаких признаков жизни, поля кругом.

За окном уже почти рассвело, заснеженные поля уходили вдаль, только на горизонте виднелась полоска леса.

– Завтрак, всем на завтрак, – идя по вагону, вопил с виду уже похмелившийся прапорщик. – Стоим еще полчаса. Мухой к кухне, набрать котелки и по своим местам.

Проходя мимо нас, прапорщик на секунду остановился, увидев фингал у Рябы.

– Откуда синяк?

– Да с полки ночью упал, – соврал он.

– Ну-ну, – не поверив ни слову, прапорщик пошел дальше.

– Понятно теперь, чего стоим. Кому, интересно, с утра полезет их каша, – пробубнил Паштет. – Чайку надо попить. Может, по рюмочке, так сказать, похмелимся? – показывая наполовину выпитую бутылку водки. – Как раз всем по чуть-чуть.

– Я пас, – с отвращением сказал я.

– Я тоже, – поддержал Санек. – К вечеру можно будет под ужин выпить. У меня еще пузырек есть.

– Ну, тогда и я не буду?

– Пойдем покурим, потом в карты сыграем, – подчеркнул свое согласие, что с утра пить рано, Соболев.

До обеда мы резались в карты, сначала просто так, потом на интерес. Играли на спички и сигареты. Когда гора спичек переключалась к Илье Соболеву, а все сигареты ко мне, мы перешли играть на отжимания, приседания и на другие желания. У соседей играла тихонько гитара, кто-то бродил от скуки туда-сюда, кто-то дремал, становилось скучно всем. Карты бросили. Илья ушел к своему земляку, Паштет и Ряба тоже пошли прогуляться, Саня прилег подремать, я уставился в окно. Поезд шел медленно, под монотонный стук колес за окном кружил снежок. Я смотрел на заснеженные деревья.

Необъятные поля сменялись то перелесками, то густыми еловыми лесами. Мы уже проехали Тверскую область, мою родину, и подъезжали к Москве. Никакой суеты, внутри на душе было спокойно. Конечно, головой понимаешь, куда тебя везут. Что об этом думать. Думай не думай, а ты солдат, куда прикажут и что прикажут – туда и пойдешь и все сделаешь. Никогда не возникало мысли от чего-то откосить или вообще сбежать. Это же позор.

Поезд замедлил ход, показались отдельные деревянные домики. Проехали железнодорожную станцию, деревянный небольшой домик с вывеской «Станция Стяжок». Полная женщина, дежурная на этой небольшой станции, проводила нас флажком. Знает ли она, куда мы едем? Вряд ли, ей скорее бы проехал поезд – и вернуться в свою теплую будку, а еще лучше

– быстрее бы закончилась ее смена. Проехали переезд с закрытым шлагбаумом, за которым стояли в ожидании две машины. Все кажется таким родным и близким.

Когда я учился в Великолукском лесхозтехникуме, я на каждые выходные ездил домой на поезде. Везде, на каждой железнодорожной станции я видел одно и то же: такая же будка, такая же вывеска с названием станции, такая же женщина с флажком (мне кажется, их набирают на работу по одним критериям, чтоб одинаково выглядели), такой же переезд со шлагбаумом и стоящими за ними машинами. Да и машины, кажется, одни и те же, которым дана кем-то команда преследовать поезд, переезжать с одного переезда на другой. Проехали какую-то речку без названия, появились коттеджи разных типов. Глядя на них, без ошибки можно было определить, что хозяева жили в достатке, в большом достатке. Их сменили огромные заводы с дымящими высокими трубами, какие-то полуразрушенные здания из красного кирпича, высокий бетонный забор с колючей проволокой наверху. Зачем? Для чего? От кого защищает? Прогремел, тяжело набирая ход, встречный товарный поезд. На других путях, которых становилось все больше и больше, также стояли товарняки. Ко мне присоединился Саня. Мы стали вместе наблюдать, что за окном. Наш поезд полз как черепаха, минут пять мы так и наблюдали забор с колючей проволокой и стоящие товарные поезда. Вдруг поезд дернулся и остановился.

– Приехали, – сказал Саня.

– Москва, – произнес я.

После команды на обед все стали высыпаться, гремя посудой, на улицу. Пообедать надо. Мы взяли свои котелки и, спрыгнув в снег, побрели в вагон-кухню. Очередь была длинной, мы заняли свою.

– Куда-то нас завезли на запасные пути, в тупик какой-то, – сказал боец, стоявший впереди нас.

– Ты хотел, чтобы нас высадили на Белорусском вокзале? – посмеялся над ним другой солдат.

– Лучше бы нас обедать расположили на Красной площади, – кто-то продолжал шутить.

– Перед Мавзолеем, – поддерживали другие.

Многие смеялись над шутками, некоторые стояли молча, отходили от сна. Очередь двигалась весело. Вот и в наши котелки налили жидкий рыбный суп и положили густой комочек рисовой каши. Взяв хлеб с куском сливочного масла, отрезанный, как полагалось по норме, мы побрели в свой вагон. Встретили по пути Рябу и Паштета, которые с опозданием присоединились к очереди.

Хорошо поесть горяченького супка, не все же на сухпайке сидеть. Свой кусок масла я кинул в кашу, чтоб хоть немного придать вкус. Но доест так и не захотел. Саня вообще не притронулся к каше. Подсели другие ребята. Кряхтя и причмокивая, стали хлебать жидкий суп, кому-то и кусочек рыбы попался.

4

Поезд тронулся только после ужина, дергаясь как паралитик. Как подсказали умники, перецепляли локомотивы. Теперь мы медленно выезжали в обратную сторону. За ужином мы не ходили, только Ряба сгонял до кухни за хлебом. На столе также была тушенка, а под столом водка. И довольный Ряба радостно разливал в кружки. По шуму и голосам в вагоне, которые с каждым часом становились все громче и громче, было понятно, что бухали мы не одни. Весь вагон, весь поезд снова отмечал поездку на Кавказ. Не пили только те, кто был в наряде и кому необходимо было при каждой остановке с оружием охранять вагоны и технику.

Наш взвод заступал завтра и то после ужина, но зато до утра. Поэтому сегодня нам ничего не мешало гулять. Днем мы воздерживались от употребления алкоголя из-за постоянного посещения командиров, как дежурных, так и непосредственных командиров. Наш лейтенант был немногословен, при перечете после обеда только спросил у Рябы, откуда синяк. Ряба повторил заученные слова про то, что упал с полки. Лейтенанту было пох*й откуда. Постоянно был кто-

то на шухере, и при появлении офицера все знали, кто идет, и если кто не сдерживался и пил, то притворялся спящим. Прапорщики были свои и пили вместе с нами. Нашего лейтенанта мы тоже не боялись, но не хотели его подставлять. Сам командир ММГ прошелся по вагонам один раз за день. Да все всё понимали, и он тоже закрывал глаза. Самое главное – не пить в наряде. Этого бы майор не простил, был бы конкретный залет.

Паштет достал конверт с письмом, вытащил из нее фотографию и, вертя в руках, стал рассматривать ее, задумчиво что-то вспоминая.

– Покажи, покажи, – с боковой полки просил Паштета показать фотографию Соболя.

– Да подожди, – остановил его Ряба, выхватив фото из рук Паштета.

Мы с Саней по обе стороны склонились над ним, рассматривая снимок. Паштет широко, во все лицо улыбался.

На снимке он с девушкой стоял на фоне разводного моста в Ленинграде, уже как четыре года переименованного в Санкт-Петербург. Паштет был выше ее на полторы головы. И когда он ее обнимал, казалось, что девушка была у него под мышкой, а он накрыл ее голову рукой. Она была полной. Кривые ножки, на лицо – прыщавый ребенок. На обратной стороне была надпись «Питер 1994», снимок был сделан за полгода до того, как Паштета призвали в армию. На фото он улыбался так же, как сейчас.

– Да она мелкая для тебя, – соскочив со своего места, не дождавшись, глядя через меня, произнес Илья Соболя.

– Ноги кривые, лицо в прыщах – издевался Ряба.

У Паштета улыбка исчезала на глазах.

– Да пошли вы все на х*й, – с обидой выхватывая фотографию, прокричал он.

– Да не обижайся, Паша, – хотел успокоить Саня. – Вы с ней подходите друг другу, ты такой же, только худой.

Все разразились смехом. Паштет, не ответив, засунул снимок в конверт с письмом от нее, которое он хранил в кармане камуфляжа.

В армии так – чем больше ты психуешь, тем больше над тобой издеваются.

– Ряба, наливай, – разрядил обстановку я.

Выпив после тоста «будем», уже никто не вспоминал про снимок, про девушку Сою, подружку Паштета. Тема сменилась, пошли пошлые анекдоты.

«Она реально некрасивая. Что Паша в ней нашел?», – последнее, что подумал я и больше об этом не вспоминал долго.

– Слушайте анекдот, – предложил Ряба. – Собирается муж на работу и вдруг живот скрутило, понос и все такое. Жена: – На таблеточку, съешь, и все пройдет. Но перепутала таблетки и вместо таблетки от поноса дала успокоительную. Через какое-то время звонит мужу на работу и интересуется. – Дорогой ну как ты? – Да ничего милая, – отвечает муж, – обосрался, но спокоен.

Как всегда, в полночь все разбрелись кто куда. Я сам слушал и подпевал блатные песни под гитару в соседнем плацкарте. В конце вагона надрывался магнитофон, пытаюсь перекрыть толпу пьяных ребят, поющих под гитару. Прапорщик сидел за столом и все подливал в кружки алкоголь, пытался подпевать. Ряба с тем БТРщиком, с кем вчера дрался, сидел в обнимку. Парочка твикс: у Рябы фингал под левым глазом, у партнера – под правым. Как братья-близнецы, найди десять отличий. В эту ночь драк не было, но тамбур был облеван так же.

Сквозь сон я слышал, что надо на завтрак, но голову поднять не смог. Мы в очередной раз стояли в жопе мира. Приоткрыв один глаз, я увидел, что дрыхнут все. Во сколько мы легли, не помнил никто, но чувствуя по состоянию – поздно. Или рано утром. Нас растормошили сослуживцы только к обеду.

– Где мы находимся? – поинтересовался Илья Соболя у мимо проходившего в курилку солдата, натягивая сапоги.

– Да черт его знает, пару часов назад Воронеж проезжали, – ответил он и удалился.

Шатаясь как зомби, напялив на себя кто что, мы побрели к вагону-кухне. Не хватало оператора с камерой, отличный кадр был бы к фильму «Живые мертвецы».

Горячий гороховый суп был кстати, перловая каша не полезла. До самого ужина мы приводили себя в порядок, отлеживались и, кроме чая, ничего не пили и не ели, не хотелось. После ужина мы в наряде. Вернее, уже во время ужина, пока поезд стоит, мы должны принять у другой смены объекты, которые придется охранять до утра. Главное, чтоб поменьше остановок было, меньше на улицу выскакивать. Но если даже поезд всю нашу смену, с ужина до завтрака, а именно на завтраке нас сменят, не будет останавливаться, то все равно нам нельзя спать.

5

Поужинав на скорую руку гречневой кашей, с дежурным офицером отправились строем сменять ребят, которым выпало дежурить весь день с завтрака до ужина. Днем остановок намного больше, чем ночью, так что легче им не было. Ночь пролетит – и уже до Владикавказа следующая очередь дежурить, так что до нас во второй раз не дойдет.

Нас распределяли между платформами и вагонами, так чтобы видно было соседа и справа и слева, по обе стороны состава. Мой пост был между платформами, на которых и с одной, и с другой стороны были тщательно закреплены бронетранспортеры. Я проверил БТР справа, мой сосед – БТР слева. Все двери опечатаны, никто ничего не трогал, натяжные тросы и крепления не болтаются, больше и принимать-то нечего. У других тоже не возникло никаких проблем. Старый наряд так же строем за дежурным удалился на ужин.

Было холодно, минус 10-15 присутствовало. Но это пустяки по сравнению с пронзительными ветрами в Пыталово. Пробежав с час-полтора, по цепочке передавали команду «по вагонам», две минуты до отправки. Все бегом кинулись к вагону. Только запрыгнул последний солдат, как состав дернулся, колеса закрипели, и поезд медленно двинулся в путь.

В вагоне было спокойно, тихонько перебирал аккорды на гитаре сосед за стенкой, не было слышно громких голосов. Неужели у всех закончилась водка или уже никому не лезло? По вагону прошелся наш командир, поинтересовался, все ли у нас спокойно и все ли успели забраться в вагон.

– Товарищ лейтенант, – Рябе везде дело есть, всегда лезет со своими глупыми вопросами. – Скажите, какая остановка следующая?

– Две сосны, три ели, – ответил в шутку лейтенант и пошел обратно к себе в купе.

– Ряба, ну что за вопросы, ну откуда он знает? – облокотившись о стену, сказал Соболев.

– Никто не знает, – сказал я.

В вагоне было тепло. Спиртного, которое нас бы сейчас взбудило, сейчас нельзя, да и нет его. Может, кто и заначил, но молчит, но мое точно выпили. Пару часов мы еще разговаривали ни о чем, вскоре стало тихо, даже гитарист перестал играть. Глаза закрылись сами собой. Тепло, хорошо, я даже видел какой-то сон, я бы точно его запомнил, если бы меня нежно, тихонько разбудили.

Но разбудил меня резкий толчок вагона. Кто-то, по-моему, упал с полки, раздались громкие голоса, матерились. Кто-то крикнул: «Что они, дрова везут, что ли!». Сон я забыл. Вагон еще пару раз дернулся и встал. Нам приказано было, никого не дожидаясь, как только произойдет остановка, немедленно бегом встать по своим постам. Так мы и сделали, повыветали из вагона как пробки из шампанского.

Через 10 секунд я уже был на своем месте, мимо прошел дежурный капитан из первого взвода, проверяя, все ли на месте.

– На соседние рельсы не ступать, пропускаем встречный поезд, передать по цепочке, – орал он.

Я прижался к своему составу и через какое-то время увидел свет фар идущего навстречу поезда. Это был товарняк, одни цистерны, наверное, с каким-то топливом. Перед глазами на большой скорости мелькали цистерны. Была полная луна, чистое небо и я мог рассмотреть, что бочки были черные. Значит нефть, почему-то подумал я. Когда пролетели последние цистерны, я увидел: на опушке стояли две сосны и три ели. Я чуть не подпрыгнул на месте, вот лейтенант провидец. Вот она остановка: две сосны и три ели.

Через полчаса по возвращении в вагон я рассказал увиденное.

– Ого, не врешь? – спросил Паштет.

– Зачем мне это надо? – вопросом на вопрос ответил я.

– Разные совпадения бывают, – поставил этой теме точку Саня.

Попили чайку, покурили, поиграли в карты, снова попили чайку и покурили. Время так медленно идет ночью, от скуки хоть вой. По вагону раздаются стоны во сне, кто сопит, кто-то громко храпит, задерживая дыхание. Редкие солдаты хлопали дверьми тамбура, выходя кто покурить, кто в туалет. Вчера было веселей, весь вагон гудел до утра. Сейчас два часа ночи всего, устали бойцы.

Пусть приснится дом родной,

Девка с пышной пи*й,

Море водки, пива таз

И о дембеле приказ.

С улыбкой вспомнил я, как, будучи духами, рассказывали такие стишки дедам. Это было всего полгода назад, а кажется давно. Прослужил я всего год и пару месяцев, а как будто три года служу. Скорей бы домой.

Едем быстро, говорят, отстаем от графика. К утру обещали, что будем в Ростове-на-Дону.

Немного удалось поспать. Договорились, что по очереди будем дневалить, и если появится дежурный, то тот, кто бодрствует, немедленно всех будит. Дежурный капитан не появлялся, наверное, тоже дремал, поставив охранять свой сон какого-то солдата. К утру, часам к семи, поезд как всегда подергался и стал. Ростов-на-Дону. Мы разошлись по своим постам. Естественно, никакого Ростова мы не видели. Опять какой-то тупик, где-то на окраине города. Холодно с утра. Особенно чувствовалось, как только вышли из теплого вагона. Справа от меня, перетаптываясь, находился Паштет, слева водитель БТРа Сергей Чуйко (забегая вперед, мне еще придется в будущем с ним пересечься в ужасный момент).

Было еще темно, но силуэты соседей видно было отлично. У каждого был фонарь, и мы иногда пересвечивались друг с другом по приколу. Скоро смена, быстрее бы завтрак. Хочется горячего чаю, что-то зябко. В 7.30 уже начинает светать. Через несколько путей – высокий забор из красного кирпича, который уже отслужил свой срок и был весь раскрошенный. В утренних очертаниях я мог различить какую-то надпись на заборе, но что именно написано, пока не разглядеть.

Я посмотрел налево – Серега Чуйко, подняв ворот бушлата, прохаживался. Посмотрел направо – никого. Где Паштет? Куда этот придурок делся? Я пошел вдоль платформы, вглядываясь вдаль, нету никого. Покидать пост – это преступление. Ладно, я не застучу. А если дежурный появится? Ну Паштет, ну дебил. Пройдя до края платформы, где должен был находиться Паштет, я негромко крикнул.

– Паштет, Паштет, – до уха еле слышно доносилось кряхтение.

– Паштет, ты где? – не успокаивался я.

– Да здесь, я, не ори, – буквально в шаге неожиданно донесся его голос.

Я от испуга дернулся, всего прошибло током. Он сидел под вагоном.

– Ты что делаешь, идиот? – спросил я.

– Что, что, не видишь, сру, – спокойно ответил он.

– Блять, ты меня напугал. Предупредить нельзя было?

– Ну, резко накатило, – вылезая и застегивая на ходу штаны, сказал Паштет.

У меня схватило живот, кольнуло в заднем проходе. Вот черт. Глядя на него, самому захотелось в туалет.

Перетерпел. Уже совсем рассвело, через час завтрак и смена. Позавтракаю и лягу спать до обеда. Хотя и дремал ночью, но это не сон, одно название. Я вернулся на свое место. Уже были видны первые лучи солнца – восход. Даже веселей стало, не люблю темноту, грустно в ней. Теперь я мог прочитать надпись на заборе. Красивым почерком, черной краской было написано: «Душу не пропить», а ниже толстым неровным шрифтом было приписано: «Я пропил». Другие надписи я рассматривать не стал, хватило этого, чтобы поднять себе настроение.

Вот и долгожданная смена, и горячий чай. Под дружный хохот ребят я рассказывал, как искал Паштета.

– Прикиньте, подкрадываюсь я к Паштету, он сидит под вагоном, глаза красные, даже в темноте светятся, – сочиняю я для смеха. – Я резко наклоняюсь под вагон и кричу «Что, срень?»». Он как заорет. Был у Паши запор, но я вылечил. Быстро он свои дела сделал.

– Что ты пиз*шь, не было такого, я издалека тебя увидел, – нисколько не обижаясь, а наоборот, улыбаясь, ответил Паштет.

– Да ладно, так и было, – смеюсь я.

– Ужин давно закончился, а мы все стоим, – остановил спор Саня.

– Опять простоим полдня, – поддержал Соболев.

– И спать неохота, под стук колес засыпать легче, – вставил свое слово Паштет.

– Да ты всю ночь храпел, – улыбается Ряба.

– Где всю ночь? По очереди спали, – уже серьезно ответил Паштет.

– Ты и очередь свою проспал, – подначивал Ряба.

– Офигел гнать?

– А вот и не подеретесь, – вмешался Илья Соболев.

– Хватит вам кусалово устраивать, – сказал я.

В вагоне вдруг появилось какое-то оживление, солдаты забегали туда-сюда. Отрывком слышались голоса: «Где? Там в заборе дыра большая. Быстрей давай. Сколько брать?».

– Братан, что случилось, что за кипеш? – хватая пробежавшего мимо солдата за рукав, спросил Илья Соболев.

– Да там, метров триста-четыреста подальше от поезда, самогонку продают. Местные прознали, что здесь поезд с солдатами стоит, вот и притащили на продажу. Там дыра в заборе, за ней и самогон.

– Блин, класс. А долго мы еще стоим? – вмешался Ряба.

– Говорят, еще полчаса точно, – ответил солдат. – Если хотите, поторапливайтесь, а то разберут.

Ряба вскочил как ошпаренный. Для него это было очень важно, такой подарок судьбы он пропускать не собирался. Никогда он так быстро не одевался, наверное, даже в учебке. Представлять себе не хотелось, что ему не достанется самогона, тогда всем не спать до Владикавказа.

– Так, быстрей мне вещмешок, деньги потом отдадите. Я пока за свои возьму. Сколько? Четыре полторашки (полторалитровых бутылок) хватит? – уже хватая на ходу вещмешок, спрашивал Ряба.

– На месте определишься, – ответил я.

– Если еще не разобрали, то бери четыре, – уже вдогонку прокричал Паштет.

В окно мы увидели, как Ряба промелькнул мимо со скоростью тигра, гнавшегося за своей жертвой. Все опустили на сиденья с мыслями: только бы не всё спиртное разобрали и хватило бы и нам. Вечером разогнать скуку.

Прошло двадцать минут, которые тянулись вечностью, а Рябы все не было. Скурили в тамбуре по очередной сигарете. Двадцать пять минут, Рябы все еще нет. Вдруг неожиданно дернулся вагон, и поезд медленно начал набирать ход, в противоположную сторону, куда убежал Ряба. Я, Паштет, Саня и Соболь переглянулись. Паштет открыл рот, из которого на пол упала сигарета. Саня захлопал глазами. Соболь только мог прохрипеть «Пи*ец». Несколько секунд мы приходили в себя.

– Что делать будем? – первым в себя пришел Саня.

– Надо подумать, без паники, – ответил я.

– Какая паника, надо докладывать командиру, – говорил Соболь.

– Стоп-кран, – Паштет подскочил и дернул рычаг вниз. Поезд не отреагировал никак.

– Бл*дь, даже стоп-кран не работает, – разозлился Паштет.

– Да его в первую ночь сломали. Погнали к лейтенанту, не х*й сиськи мять, – открывая дверь тамбура, сказал Илья.

Пройдя через все вагоны, мы вошли в офицерский. У входа дежурил солдат.

– Братан, позови лейтенанта Миронова, командира взвода материального обеспечения, – начал Соболь.

– Быстрее только, срочно надо, – стал подгонять дневального Паштет.

– Надо так надо, сейчас посмотрю где он.

– Шевели батонами, – не успокаивался Паштет.

Солдат исчез в купе лейтенанта. Время летело, поезд с бешеной скоростью удалялся от Ростова-на-Дону и от рядового Руслана Рябова. Где он? Что сейчас делает? Что собирается делать? Мысли путались в голове. Увидимся мы еще раз или нет?

Вышел заспанный лейтенант. Застегивая пуговицы гимнастерки, направился к нам.

– Что хотели? – недовольный, что его разбудили, буркнул он.

– Ряба, точнее Рябов, отстал от поезда, – взял на себя инициативу Илья Соболь.

– Чтоооо? – взглянув на Илью, ответил он.

От сна не осталось и следа. Лицо сначала покраснело, потом стало багровым, затем покрылось красными пятнами. Я такой реакции организма на стрессовую ситуацию еще не видел. Не хотел бы я сейчас оказаться на его месте. Представляю, как влетит сначала ему от майора, а потом и нам. Лейтенант судорожно соображал что делать.

– Прапорщик Малютин трезвый? – неожиданно спросил он.

– С утра был трезвый, – ответил Саня.

– Бегом к себе, никому пока не говорить, я сейчас приду. Найдите Малютина.

Лейтенант подошел только через сорок минут и, как я увидел, в плохо скрываемом хорошем, не по ситуации, настроении. Это потом он рассказал, что доложил капитану, дежурному, и тот посоветовал, как поступить дальше. Капитан не был паникером, был рассудительным, всегда говорил «Не порите горячку».

Мы доложили все лейтенанту, рассказали всю правду, как было.

– Значит так, – начал свою речь лейтенант. – Вы не знаете, куда он делся, сказал, что прогуляется по вагонам. Обнаружили это только, когда он не появился на обед. Через полчаса уже будет остановка на обед. Пока майор спит, мы еще прикинем что к чему. Скажу позже, что вам говорить особому отделу. После обеда я доложу командиру ММГ Проскуруину, что Рябов не явился на обед. Вы понимаете, что будет. А будет жопа. Всем будет жопа. Я вас сгною в нарядах. Вас лишат автомобилей, пойдете стрелками по другим взводам. Мало того, вас будут судить как соучастников и подстрекателей к дезертирству. Я не удивлюсь, если некоторые отправятся в дисбат (дисциплинарный батальон).

– Да уж, дела, – протянул прапорщик.

Жути лейтенант навел на нас не по-детски. Настроение было ниже плинтуса.

Поезд остановился на станции типа «две сосны, три ели». Мы с натянутыми как струны нервами побрели с котелками к вагону-кухне. Все молчали. Думали, что теперь будет дальше. Ярко светило солнце прямо в глаза.

– Братва, а вот и я, – послышался знакомый голос.

– Ряба??? Откуда ты взялся? – офигевши, чуть ли не хором спросили мы.

– Да самогонка закончилась. Я ждал, пока новую партию подвезут, пришлось задержаться. Пока рассчитывался, вижу, поезд тронулся. Ну я бегом догонять. В наш вагон уже не успевал, вот только и успел в вагон к поварам запрыгнуть. Пришлось ждать у них, пока следующая остановка будет.

– Да ты знаешь, какой кипеш поднялся? Да ты знаешь, что будет? – задыхаясь от злости, кричал Соболев.

– А что будет? Ну, прыгнул не в тот вагон. Старший по вагону по радиации сразу дежурному капитану доложил, – спокойным голосом ответил Ряба.

Произошло повторение событий в тамбуре. Мы все переглянулись, Паштет открыл рот, Саня захлопал глазами.

– Как так? – как всегда первым выйдя из состояния ступора, спросил Илья.

– Значит, лейтенант знал? Нам не сказал ничего? Отчихвостил по полной, – так же удивился Паштет.

– То-то я заметил, когда он пришел к нам, настроение у него было приподнятое, – сказал я.

– Ну да, вообще в таких ситуациях сразу докладывают старшим, – продолжал соображать Санек.

– Теперь понятно, что они с дежурным капитаном обсуждали, как нас проучить. Чтобы мы понервничали все, – снова предположил я.

– Ну ладно. Мне лейтенант сказал подойти при первой возможности к нему, – произнес Ряба. – Я пошел. Уже пообедал, пока ехали.

– Давай-давай, получишь сейчас пи*юлей, – уже спокойно сказал Соболев.

– А где самогонка? – спросил Паштет. – Ты взял что?

– Три полторашки только, две у повара Кости Сизова оставил, чтоб никто по пути не перехватил, он вам передаст. Одну несу лейтенанту. Он сказал быть у него с тем содержимым, по причине которого произошел инцидент.

– Правильно, молодчик. Давай, ни пуха тебе.

Ряба убежал, мы уже веселые поспешили к кухне. Вместе с горячим обедом еще забрали вещмешок с двумя полторашками самогона. Три литра на пятерых тоже неплохо. Будет чем под ужин настроение поднять. Да еще после всего, что произошло, надо же стресс снять.

– По вашему приказу прибыл, рядовой Рябов, – зайдя в купе лейтенанта, отдал честь Ряба.

За столом сидели наш командир ВМО лейтенант и дежурный капитан. Такое впечатление, что капитан – вечно дежурный поезда. Наверное, проштрафился перед майором, командиром ММГ. Они пили чай. Капитан, отхлебнув глоток, поставил чашку на стол.

– Заходи, заходи, боец, – пригласил пройти на середину купе капитан.

– Рассказывай, как все было, – продолжил лейтенант.

– Ну что рассказывать. Вышел подышать свежим воздухом, прогуляться, так сказать... задумался.

Капитан медленно встал, сложил в замок пальцы, хрустнул костяшками.

– Продолжай боец, – не глядя на Рябу, сказал капитан.

– Значит, задумался я, отошел прилично от поезда. Вижу, поезд тронулся, ну я и...

Не успел он договорить, как капитан с левой руки смачно припечатал правый глаз Рябы. Ряба рухнул как подкошенный. Головой еще приложился о нижнюю полку. Из-за пазухи выпала полторашка с самогоном, с помощью которой Ряба решил сначала попробовать отмазаться и сохранить полтора литра. Это была ошибка, только понял он это спустя пару минут, когда начал приходить в себя.

– Попытка номер два, – прошипел с яростью капитан.

Схватив Рябу за ворот, он поднял и сильно встряхнул.

– Ты только не убей его, – сказал лейтенант, искренне не желая таких разборок.

– Не ссы, – проигнорировал он. – Это что? – поднимая с пола, ткнул в нос бутылкой.

– Самогон, – прошептал Ряба, явно еще потрясенный. Глаз медленно заплывал, появился синяк. – Купил у местных, поэтому и опоздал.

– Кто еще покупал? От кого узнал?

– Гулял, дышал воздухом, из дыры в заборе мужик какой-то помахал, я подошел, он предложил полтора литра.

Капитан замахнулся правой рукой, отчего Ряба инстинктивно попытался закрыться. Удара не последовало.

– Я правду говорю, товарищ капитан, – голос Рябы дрожал, уже срывался на плач.

– Ладно, боец, – не поверив, но понимая, что правды не добьется, сказал капитан. – Значит, синяк у тебя появился от падения с полки. Бутылку мы забираем. Никто чтоб ничего об этом не знал. Ясно?

– Так точно.

– А откуда у тебя синяк под другим глазом?

– Упал с полки, товарищ капитан.

– Часто ты падаешь, рядовой.

– Так точно, часто, а точнее, только один я и падаю. Надо будет поменяться с нижним, – поняв, что с него хватит, отрапортовал Ряба.

– Свободен.

– Есть, – отдал честь и выбежал из купе, не напрасно считая, что легко отделался.

Почти третий раз за день произошло повторение событий в тамбуре. Единственное, что теперь не только Паштет открыл рот, а все мы. Саня захлопал глазами. В проходе стоял Ряба, улыбался во все зубы. На лице под глазами, как у енота, красовались два огромных фингала. Пришли мы в себя одновременно, хохотом заполнился весь вагон.

– Классно тебя подлечили, – смеялся Паштет.

– Я с тобой в ночной наряд проситься буду, не надо будет фонарик брать, – ржал Илья Соболев.

– Смешно вам, – плюхаясь за стол, уже не улыбаясь, сказал Ряба. – Больше никуда не пойду, буду спать до самого Владикавказа.

6

Поезд шел медленно, останавливаясь у каждого столба, постоянно пропускал встречные составы. Время как будто остановилось назло нам, зная, что в вещмешке греется самогон и что мы ждем ужина.

– Башка болит, – пожаловался Ряба.

– Выпей, полегчает. Может, у тебя сотрясение? – сказал Паштет.

– Или к медсестре сходи, таблеточку даст, – посоветовал я.

Старшая медсестра Марина была женой заместителя по технической части капитана Коробова. Лет 30, не красавица, но и не страшная, маленького роста, очень худенькая. Как говорится, третий сорт не брак. Капитан страшно ревновал к ней, может, по этой причине он и взял ее с собой в командировку. Одна из причин точно эта.

– Лучше самогоночки, – кряхтя и подсаживаясь ближе к столу, проскуливал жалостно Ряба. – Будет кто еще?

– Наливай уже всем, поддержим, ужина не дожидаться, – сказал Илья.

В секунду на столе появились кружки, можно было подумать, что все держали их постоянно в руках, дожидаясь этого момента. Ряба налил. Самогонка была отвратительной, с привкусом пластмассы, но 40 градусов в ней было, а это главное. Занюхав хлебом и немного закусив, я откинулся назад, упершись головой в стену. Тепло поползло по организму, сейчас даст в голову. У всех поднималось настроение. Живы будем, не помрем.

До ужина мы выпили еще пару раз, но по маленькой дозе – не по полкружки, как привык наливать Ряба, а по четверти. Вот и долгожданный ужин. Поезд остановился у очередного столба. Кроме гречневой каши, мы у Сизова выпросили на закуску пару банок тушенки. Удобно расположились в своем плацкарте и продолжали ужин с регулярным поднятием спиртного в кружках. Но все когда-нибудь заканчивается. К часу ночи закончилась и самогонка. Мне кажется, больше и не надо было, третья полторашка была уже лишняя. Тем более, утром мы должны были приехать в Северную Осетию – Аланию, во Владикавказ.

Глава 4

20 декабря 1995 года

1

– Подъем, – орал прапорщик, – подъезжаем к Владикавказу, через час туалет закроется, всем привести себя в порядок, по прибытии построение возле вагонов.

Заскрипели полки плацкарта, забубнили солдаты, спрыгивая с верхних полок, к туалету образовалась очередь. Во рту был ужас, я чувствовал сам, как от меня несет, поэтому я был безумно рад почистить зубы, когда подошла моя очередь.

Северная Осетия нас встретила ужасной погодой, шел то мокрый снег, который почти сразу таял, то лил дождь. Вокруг было серо и грязно. Все построились в две шеренги возле вагонов, на середину вышел майор Проскурин.

– Товарищи солдаты и офицеры, – начал майор. – Нам необходимо оперативно разгрузиться, построиться в колонну и своим ходом выдвигаться в столицу Ингушетии, город Назрань. После завтрака все командиры получают инструкции, капитан Коробов определит последовательность колонны, дальнейшие указания в процессе, по обстановке. Если всем все понятно, то разойтись на завтрак.

– Взвод материального обеспечения, – обратился непосредственно к нам наш командир, – после завтрака не разбредайтесь, находиться на своих местах и ждать указания.

Кроме нас, на погрузочно-разгрузочной площадке были еще ребята из Внутренних Войск Российской Федерации. Они свое на Кавказе отслужили и совершали погрузку на состав. У них были только пассажирские вагоны, техники с ними не было. Вид у них был раздолбайский, кто во что одет. Кто в берцах, кто в резиновых сапогах, у многих на голове вязаные шапки, какие-то шарфы. Бушлаты на них старые, затертые. Хоть и зима, а лица загорелые, суровые. Видать, хлебнули они горя. Им предстояло ехать до Москвы.

После завтрака нам было приказано проверить свои автомобили, залить воду в радиатор, завестись, прогреть двигатели, отсоединить от буксирующих тросов и крепежей и находиться непосредственно в машинах, ждать дальнейших указаний. Тут и начались у многих проблемы. Две машины, ГАЗ-66, не завелись – сели аккумуляторы. У одного «Урала» вообще вся система вырубилась, не было тока. Половина бронетранспортеров не завелась по разным причинам. Зампотех бегал, как электровеник, и орал на всех. Ну, это же машины, железки, причем здесь мы? Тем более, все БТРы старые, неужели все это не предвидели? Надо было быть большим идиотом, чтоб этого не знать.

Думаю, знали, но ничего сделать с этим не могли. Есть приказ вперед – хоть на чем, хоть на черте, а езжай и выполняй. Моя машина завелась с пол-оборота. Слава Богу, у меня таких проблем нет, думал я, глядя из окна автомобиля, как ребята бегают туда-сюда и пытаются выйти из трудного положения. Дождь, снег, грязь – на это никто не обращал внимания. Ко мне в кабину запрыгнул Саня.

– Ну как ты, зёма? – поинтересовался он.

– Все круть. Как сам?

– Тоже норм. Мерзко на улице. Бррр.

– Да, не месяц май. Здесь быстрее лето начинается, успеем позагорать.

– Быстрее бы лето, надоела зима.

– Что там наши, все завелись? – спросил после небольшой паузы я.

– Да, уже все. Дали прикурить тем, у кого аккумулятор сел. Только с «Уралом» копаются, ищут причину, – ответил Санек.

– Найдут, заведут и «Урал», а вот с БТРами проблема посерьезней.

– Хлам один, не повезло ребятам.

Из окна увидели, как Ряба машет нам рукой. Я открыл окно – не хотелось без уважительной причины выходить из теплой кабины.

– Что надо? – чуть выглянув в окно, спросил я.

– Лейтенант зовет всех, у нашего вагона собирает, – крикнул он и побежал дальше всех собирать.

Ничего не поделаешь, надо вылезать. Машину заглушил – что бензин зря жечь. Я был уверен в своей ласточке, что заведется без проблем.

У вагона в окружении лейтенанта находились все водители нашего взвода.

– Ребята, до обеда всем находиться в машинах на платформе, сейчас бронетранспортеры будут стаскивать друг друга. И кто не завелся, заводите с тягача. Не мешайтесь и не путайтесь. Если все пойдет нормально, и все будут на ходу, будем формировать колонну. Кто за кем стоит на составе, так и выезжайте становиться друг за другом. Но по очереди – стала перед вами машина, выезжайте и вы. Без суеты. Кроме всего, регулировщик подскажет. Понятно?

– Понятно, – хором ответили мы и опять разбрелись по машинам.

Дождик со снегом перестал, сквозь тучи иногда пробивались лучики солнца. Мы с Саней сидели в моей машине и наблюдали происходящее на разгрузочной площадке. Один бронетранспортер по очереди стаскивал на тросу незаведенные БТРы, потом перецепляли к другому и таскали до тех пор, пока черный дым столбом не поднимался вверх, давая понять, что БТР завелся. Те, кто завелся, отъезжали в сторону и становились друг за другом, рыча на весь Владикавказ. После обеда практически все были на ходу, кроме «Урала» и одного БТРа. Их так и не завели, и пришлось прицеплять на буксир для транспортировки в Назрань, в воинскую часть, к которой мы были прикомандированы. Своими колесами бронетранспортеры разбороносили все так, что на автомобиле приходилось включать два моста и с трудом, иногда буксуя, становились в колонну друг за другом.

К ужину колонна была сформирована. Было уже темно. Все устали. Дальнейшие действия были такие: ужин, отбой и утром после завтрака выдвигаемся. Ехать до части 40 километров, так что не спеша за час доедем.

– Ну вот и Кавказ, – после ужина заговорил Санек.

– Наконец-то, поезд уже достал, – сказал я.

– Да ладно, весело было, – улыбнулся Ряба.

– Очень весело, особенно тебе, – смеялся Паштет.

– Что нас ждет впереди? – задумчиво спросил Илья.

– Что будет, то будет, время покажет, – ответил я. – Каждому своя судьба.

Никто еще не представлял, что ждет нас впереди. А впереди не один день и не один месяц службы на Кавказе. Сейчас, когда все это анализируешь и осознаешь, через что пришлось пройти, то понимаешь весь ужас того сложного времени. Но все это будет позже, а сейчас нам бы только покурить – и отбой. Завтра в Ингушетию, в Назрань.

2

Всю ночь гудели БТРы, заводились по очереди, грели двигатели и глушили. Не хотели, чтобы с утра были проблемы. В общем, выспаться не судьба была. Когда прокричали подъем, я уже не спал. Встал, спокойно оделся и пошел на улицу. До завтрака еще есть время и надо пока завестись. Все же ночью был небольшой минус, а я воду из радиатора не сливал, поэтому немного беспокоился. Я открыл капот и открутил кран на радиаторе – вода не потекла, все же прихватило морозом. Сердце неприятно застучало. Машина завелась без проблем. Я выдвинул дроссельную заслонку на всю, машина работала на полных оборотах, я вылез из машины и смотрел под капот, на кранчик. Две минуты кран открыт, а вода не льется, три минуты – ничего, пять минут... Из крана сначала закапала, потом полилась тонкой струйкой вода. Фууу, выдохнул я, вроде все нормально. Я закрыл кран, сходил за водой, долил радиатор, захлопнул капот и уселся в кабину. Обороты сбавил на минимум, посмотрел в зеркало заднего вида и... А где зеркало? Через мгновение дошло – украли. Я посмотрел с другой стороной, тоже нет. Бл*дь. Пипец. Кто снял? Я выскочил из машины.

– Саня, у меня зеркала сняли, – подбежал я к нему.

– У меня тоже одно, второе не получилось, резьбу сорвали.

– Кто дежурил сегодня? – разозлился я.

– Да по ходу никто, здесь всю ночь кто хотел, тот и бродил, – Саня злился тоже. – Пойдем к командиру, доложим.

Как выяснилось позже, зеркала лишились еще пять машин, кроме наших с Саньком. Как всегда, расследование ни к чему не привело, никто ничего не видел. Зато всем было понятно, что зеркала сняли бойцы из Внутренних Войск. Они рано утром отправились в путь. Предъявить было некому, да и время терять на нас никто не хотел. Командир сказал, что спросит в части, может, есть списанные машины с зеркалами. Скажу наперед, все семь месяцев, что был в командировке, я ездил без зеркал заднего вида.

После завтрака наша колонна двинулась в путь, в Ингушетию. Включив однокассетный магнитофон, я спокойно вырулил на Черменское шоссе за автомобилем «Урал». Настроение было хорошее, огорчало только одно – не было зеркал. Я сам себя успокаивал, убеждал, что это мелочи, где-нибудь достану позже. Теперь приходилось открывать окно и высовывать голову, чтобы посмотреть, что происходит сзади. Неудобно, но не смертельно. Колонна двигалась медленно, но без проблем. Через полчаса мы выехали на трассу Беслан – Грозный – Гудермес, и далее дорога уходила в Республику Дагестан. Только мы свернули на эту трассу, начались проблемы у бронетранспортеров. Один за другим закипали БТРы (закипала вода в системе охлаждения), приходилось останавливаться и ждать, пока остынет двигатель. Каждые два-три километра – остановка на полчаса. Вскоре некоторые вообще потекли. Как говорится, водичка дырочку найдет. Вытекавшую воду нечем было заменить, если встречалась большая лужа, то сразу останавливались и подливали грязную воду в радиатор. Доехали бы они до постоянного места дислокации, как мы называли ядро, там бы их и оставили. На большее многие БТРы были не способны.

К обеду мы въезжали в Назрань. Сорок километров преодолели за полдня, супер скорость показали. Нам надо было участвовать в ралли на приз, кто приедет к финишу последним. Я пешком быстрее бы дошел. Трасса проходила через город, перед городом мы, как всегда, останавливались. Полчаса – движение не возобновилось, час – стоим. Водители стали выпрыгивать из кабин автомобилей, в воздухе повис вопрос, почему так долго стоим.

– Товарищ капитан, – спросил водитель «Урала», – по какой причине так долго стоим?

Зампотех проходил вдоль колонны, осматривал ее, задавая вопросы, у кого есть какие проблемы с техникой.

– Майор в часть поехал, решать вопрос по технике, что не на ходу, – ответил капитан Коробов. – Мы не будем заезжать в часть. Если договорится, то всю проблемную технику отправим в часть, а сами отправимся дальше, в ядро.

В часть надо было свернуть с трассы на пару километров. Майор вернулся с группой офицеров. Был отдан приказ – автомобиль «Урал», который тащили на буксире, перегрузить, распределить груз по другим машинам, которые могли бы еще что-то запихать. «Урал» был гружен матрацами и еще какими-то тряпками. Этот «Урал» и еще шесть бронетранспортеров решено было отбуксировать в часть на ремонты. Больше мы их не видели, наверное, ремонту эти машины не подлежали.

Дождавшись группу машин, которые отбуксировали лом, мы тронулись дальше. Дальнейший путь лежал в станицу Нестеровское Республики Ингушетия. Ехали довольно быстро, в среднем 60 километров в час. Через 40 минут мы свернули с трассы в сторону указателя с табличкой «Нестеровское 7 км». Еще 15 минут – и мы пересекли станицу Нестеровское, затем проехали по мосту реку Асса. Дальше путь лежал в гору, ехали по серпантину в сторону Чечни к административной границе Чечено-Ингушетии.

Через пару километров колонна пересекла границу, которой в природе нет, и мы въехали в Чеченскую республику. Еще спустя пару километров мы остановились. Блокпост, а за ним – наше новое место службы, ядро. И в горах погода была мерзкая. Часто шел мокрый снег, который сразу таял, лишь изредка выглядывало солнышко. Дорога была разбита, вокруг была грязь, горы были холодные, они явно были нам не рады.

Ну вот и все, приехали.

Часть 2

Ядро. Зима

Глава 1

21 декабря 1995 года

1

Небо становилось черным, темнело на глазах. Черным было не только небо, черным было все. Черной казалась земля, перемешанная и взборожденная колесами машин и бронетранспортеров грязь. Черными казались горы. При отсутствии солнца они каменными глыбами различных форм нависали над ядром. Черными казались машины и другая техника, от постоянного буксования они снизу доверху были покрыты грязью. Вдобавок ко всему, рычавшие бронетранспортеры выпускали из глушителей тяжелый, черный дым.

Колонна медленно продвигалась. К машине, которая в свою очередь подъезжала к блокпосту, подходил дежурный офицер и объяснял, куда надо проезжать. Открывался шлагбаум, машина уезжала в темноту, шлагбаум закрывался, подъезжала следующая машина. От блокпоста дорога раздваивалась, и машины уходили кто правей, кто левей. Это зависело от груза и места разгрузки.

Вот подошла и моя очередь. Я медленно подъехал к посту. Блокпост представлял собой такую картину: по обе стороны дороги находились железобетонные прямоугольные плиты, между ними шлагбаум – сваренная труба, покрашенная в красно-белую полоску с противовесом на конце. Противовесом был диск с большим диаметром от колеса автомобиля. С левой стороны – сложенный из плоских камней домик, похожий на дзот. Крышей был большой лист железа, из окошка торчало дуло пулемета. Спереди, до самого окна – сложенные друг на друга мешки с песком. Также из стены дзота торчал импровизированный флашток с красным флагом. Рядом с ним на деревянном столбе, можно сказать жерди, ярко светил прожектор, направляя свой свет на дорогу перед блокпостом. Кроме всего, к этой жерди подходили провода. Один

провод, свисая, уходил в каменный домик, это был телефонный кабель. И с правой, и с левой стороны далее был прокопан ров, так что объехать шлагбаум было невозможно. Дежурили на блокпосту, как я увидел, три солдата и старший наряда офицер. Один боец стоял возле шлагбаума и пропускал технику. На нем была каска, бронежилет одет прямо на бушлат, через плечо висел автомат АКС. Двое других находились в дзоте, пулеметном расчете. Офицер, лейтенант, был главным и отдавал распоряжения.

– Чем загружен? – поинтересовался он, когда я опустил окно.

– Кровати, – ответил я.

Лейтенант удалился, он звонил старшему командованию, чтобы узнать, куда мне ехать со своими кроватями.

– Значит так, боец, твои кровати сейчас разгружать не будут. Поедешь сейчас левее, вон в ту сторону, – он указал рукой на дорогу, которая уходила влево, – Через триста метров, также с левой стороны, увидишь две полуразрушенные бывшие овцефермы – кошары.

Кошарами, или овчарнями, здесь назывались помещения, сложенные из железобетонных плит или из кирпича для содержания овец. Многие умники скажут, что не только из этих материалов делались кошары, есть и деревянные, и железные и еще какие-то. Наверное да, но я там видел только такие, какие описываю.

– Рядом с ними найдешь удобное место стоянки, ночуешь сегодня там, в машине. Понял?

– Так точно, – произнес я.

– Открывай, – лейтенант, махнув вверх рукой, приказал солдату открыть шлагбаум.

Проезжая шлагбаум по нарезанной колее, моя машина на половину колеса утопала в грязи и с надрывом, с включенными двумя мостами продвигалась вперед. Ужас. Как здесь вообще можно находиться, ездить, ходить, жить? Куда я попал, за что мне такие испытания? В тот момент в темноте, по правую сторону, я мог видеть кое-где свет фонарей. Это были обычные лампочки, висевшие где на стене каких-то развалин, где на шесте, на жердине метров в двух-трех от земли. На фоне тусклого света я мог разглядеть силуэты палаток. По левую сторону была сплошная темнота. Впереди я увидел описанные лейтенантом кошары. Я остановился рядом с ними. Надо было разведать, где лучше встать. Выпрыгнув в грязь, я увидел сзади свет автомобиля. Саня догнал меня. Ну понятно, тоже кровати, куда еще, как не сюда. Я был рад.

– Тоже сюда? – улыбаясь, я приветствовал Санька.

– Ага, – откликнулся он.

– Прыгай, присмотрим место для парковки.

Саня прыгнул в грязь.

– Ну и дерьмо, – еле вытаскивая сапоги, бормотал Саня.

У входа одной из кошар на земле были положены плиты. Отличное место и как раз хватит для двух машин. Я развернул автомобиль, Саня регулировал, куда надо крутить колеса, чтобы ровней встать. Трудно без зеркал заднего вида, да еще в темное время суток точно встать на отмеченное место. Задним ходом я заехал на плиты и остановился. Санек проделал то же самое с моими подсказками и остановился рядом, сбоку. Ну вот, не в грязи стоять. Удобное место. Вскоре к нам присоединился Паштет со своими тумбочками.

– Жрать охота, – заглушив свою машину и прыгнув в грязь, сказал Паштет.

– Надо перекусить, – добавил я. – Доставай, у кого что есть, и пойдем под крышу, вернее то, что от нее осталось.

Перед движением из Владикавказа нам выдали сухпаек. Неизвестно, когда будет горячая еда. По пути сюда, на одной из остановок я уже перекусывал, но оставалось еще полбуханки хлеба, банка тушенки и банка сметков в томате. Также еще с Пыталова в машине были припрятаны печенья и минеральная вода. Про печенья я никому не сказал, и доставать его на общий

стол даже в мыслях не было. Банку тушенки тоже оставил в машине, хотя про тушенку я рассказал, что оставил на завтрак.

Внутри кошары были обгорелые доски и бревна, повсюду обломки бетонных блоков и кирпичей, на одном крупном куске бетонного блока мы накрыли стол.

– Может, прогуляемся по ядру? – предложил Паштет, потягиваясь после вкусного ужина.

– Ты что, придурок? Тебя никто не знает, повсюду посты, наряды, часовые. Хочешь пулю в лоб? – отреагировал Санек.

– А как другие ходят? В темноте не видно, свой ты или нет, – поинтересовался Паштет.

– Пароль какой-то есть, – сказал я, закуривая сигарету. – Мы пока не в курсе, завтра по светлому все раз узнаем.

– Хорошо, – сказал Паштет. – Что-то холодно.

– Прохладно ночью будет, но воду из радиаторов сливать нельзя, где потом воды набрать, – сказал Саня.

– Да мы десять раз машины заведем, по-другому не согреться будет, – ответил я.

Если кто-то интересуется, откуда столько бензина, чтобы постоянно работала машина для обогрева кабины, я отвечу. Это сейчас с бензином проблема, а тогда топлива было хоть жопой ешь. У нас были постоянно заполнены два бака, а это более двухсот литров. Как только заканчивался бензин в одном баке, то переключали на второй и при первом удобном случае заправляли пустой. С колонной двигался бензовоз, который также пополнялся в определенных точках. Где именно, до этого мне дела не было. Я знал одно – если мне надо, я подъезжал и заправлялся, и никто не интересовался, где я столько мог сжечь. Да и на обогрев кабины расход был небольшой. Более того, вся округа, все более-менее крупные станицы, которые находились рядом с нами, пользовались нашим топливом. Хватало всем – и нам, и врагам.

Да, именно враги. Я понимал, что это своего рода гражданская война. Я понимал недовольство чеченцев. На их вопрос, зачем мы пришли на их землю, у меня ответа не было. С другой стороны, это такая же земля, как и моя, здесь везде Россия. Но если они стреляют по нам, по мне, берут в плен, отрезают головы нашим солдатам, то они враги, и я так же буду стрелять и убивать своих врагов. А еще мне в то время было всего 19 лет, и я был солдатом срочной службы, приказали – сделал.

Становилось все холодней. Тучи ненадолго отошли, и на небе появились звезды. Такого количества звезд я никогда не видел. Они были разных размеров, были просто огромные и, казалось, нависли совсем близко от земли.

Я забрался в машину к Саньку, он завел двигатель, через несколько минут в кабине задул теплый воздух. Кабина в ГАЗ-66 небольшая и поэтому нагревалась быстро. Паштету не сиделось, он решил обследовать две кошары и заодно сходить по-большому в туалет.

– Что слушать будем? – спросил Саня, у него был точно такой же магнитофон.

– «Сектор Газа» ставь, по приколу песенки, – ответил я.

Саня вставил кассету в магнитофон. Когда он нажал на кнопку «Пуск», одновременно с этим недалеко от нас прозвучал одиночный выстрел. Мы подпрыгнули на своих местах. В первые секунды показалось, что Саня, нажав на кнопку «Пуск», чуть ли не произвел запуск ракеты «Земля-Воздух». Осознали, что это выстрел из автомата АКС. В голове появилась новая мысль: «Паштет что-то учудил». Мы выскочили из кабины, бряцая своими автоматами. На все, от нажатия кнопки «Пуск» до входа в кошару, нам понадобилось три секунды. Реакция отменная. Мы быстрыми перебежками пробирались через полуразрушенную бывшую овцеферму на другой конец. Слышны были громкие голоса, я расслышал команду «лежать». Чужие. Голос не принадлежал Паштету. Я немного вспотел, стало жарко, но это точно не от того, что мы несколько минут в кабине в тепле просидели. От страха все сжалось, казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Крепче сжав в руках автомат и уже медленнее, стараясь не заце-

питья об обломки бетона и кирпичей, мы пробирались вперед. Саня бежал за мной. Впереди виднелся выход, мы перешли на шаг.

– Стоять! – непонятно откуда раздался голос. – Оружие на землю.

Мы остановились, не опуская автоматы, всматривались в темноту. Голос раздавался где-то правее выхода. Никого не было видно.

– Оружие на землю! – орал незнакомый голос.

Автоматы мы положили на землю только после очередного выстрела со стороны голоса. Это инстинкт выживания сработал. Мы его не видим, а он прекрасно смотрит из-за угла на нас, так что ничего другого не оставалось. Задница не железная, хотя выстрелы были в воздух.

– Руки за голову, выходим, на колени, – раздался другой голос.

Мы медленно вышли из кошары, держа руки за головой.

– На колени.

Мы подчинились. Плюхнулись в грязь. Рядом в грязи лежал Паштет. На нас смотрели дула трех автоматов. Три солдата в касках и бронежилетах, с автоматами в руках стояли перед нами. Разглядеть, в каком кто звании, было невозможно. Но один, который больше всех орал и впоследствии задавал вопросы, явно был старше всех. Большие, густые усы переливались в свете звезд и луны. У другого солдата из-за спины виднелась антенна рации, он кому-то докладывал, что все в порядке и повода для беспокойства нет.

– Кто такие? Почему не знаете пароля? – произнес усатый грубым голосом.

– Мы только что прибыли, – начал я. – Смена.

– Не знаем мы никакого пароля, – продолжил Саня, – нам никто ничего не говорил о пароле.

Паштет молчал, лежал неподвижно. По рации они узнали, кто такие мы и что здесь делаем. Удивительно, но или из-за неразберихи, или из-за распи*яйства, или из-за неграмотных командиров наряд про нас не знал. А если бы кто из нас запаниковал и открыл огонь?

– Понятно, – уже более мягко сказали усы. – Бардак. В связи с вашим прибытием сейчас усиленная охрана ядра. И местные боевики знают, могут быть разные провокации. Поднимайтесь.

Мы поднялись, попытались отряхнуться от грязи – бесполезно. Ноги мокрые, руки тряслись. Паштет весь мокрый, даже лицо было в грязи.

– Пароль сегодня 4, – сказал незнакомец. – Чтоб знали, если другой патруль спросит.

– Как понять 4? – наконец пришел в себя Паштет. – Вы мне кричали цифру 2.

– Мы любую цифру до 4 могли спросить, а в ответ ты должен ответить другой цифрой, чтоб в итоге получилось 4. Понятно?

– Это если спрашивают один, мы отвечаем три, если спросят два, то мы тоже два и так далее? – уточнил Саня.

– Именно так, – ответили усы.

– Понятно, – сказал я.

– Ладно, извините за грубость, но это необходимо, перестраховаться всегда надо. А вот почему нам не успели доложить, что здесь вы? – главный смачно плюнул на землю. – Ну, хорошо, потом разберемся, – напоследок сказали усы, и наряд ушел в темноту.

Мы подобрали свои автоматы и, опустив головы, побрели к машинам. Паштет шел позади, широко расставляя ноги и не сгибая колен. Было впечатление, что обделался. На самом деле он испытывал неудобство из-за мокрой одежды.

– Ну что, Паштет, сходил по-большому? – не выдержал и первый заговорил я.

– Обосрался, придурок, – высказался Саня.

– Кто знал. Ну, меня бы не встретили, к машинам подошли бы, – отбивался от словесных нападок Паштет.

– Увидев машины, они бы по радиации проббили, а встретив одного идиота, что угодно можно подумать, – выпалил я. – Бля, Паштет, ты как ходишь по-большому, всегда проблемы.

– Ты хоть успел сходить? – спросил Саня.

– Не успел, да уже и расхотел, – ответил он.

Всех немного отпустило, обстановка разрядилась. Глядя на Паштета, нельзя не засмеяться. Мы с Саньком расхохотались, улыбнулся и он, в темноте блеснув своими зубами.

– Надо теперь сушиться, – констатировал Саня.

– Нам-то проще, сапоги долой и портянки на печку, мигом высохнут, а вот ему, – кивнул я на Паштета.

– Подменка у тебя есть, пока переодеться на время? – спросил у Паштета Саня.

– Есть, просушу до утра, а там все равно в стирку, – ответил он.

У всех водителей была сменная одежда, роба, подменка. Выдана на случай ремонта техники, чтоб переодеться и не пачкать камуфляж. Она была песочного, однотонного цвета.

Мы вернулись к своим шишигам (так называли автомобили ГАЗ-66). Музыка никто уже слушать не хотел, все расселись по своим машинам и дружно завели двигатели. Трясло, то ли от пережитого, то ли от холода. Надо прогреть хорошенько машину, повесить сушить вещи и ложиться спать. Усталость за целый день давала о себе знать. Для отдыха водителя ГАЗ-66 комплектовался съёмной подвесной брезентовой койкой, по существу гамаком, который подвешивался на четырёх крючках в кабине. Машина наполнилась теплом, я снял сапоги, развешил портянки. Коленки почти высохли, и я решил больше ничего не снимать с себя.

Я натянул гамак и почти забрался в него. Или оттого что машина долго стояла и швы в районе крючков пришли в негодность, или от заводского брака, но сначала один, через две секунды второй крючок оторвались. Я крутанулся на гамаке и с размаху рухнул вниз. Не знаю, что было громче – треск отрывающихся крючков и шум падения моего тела или мой надрывный стон от боли. Но Саня прибежал поинтересоваться, что случилось. Со злостью сорвав два оставшихся крючка, я сложил кусок брезента, служившего когда-то гамаком, и сунул его под сиденье. Что-то не совсем хорошо начинается служба здесь, подумал я, уселся удобней на водительском сиденье, включил тихонько магнитофон и закрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.